

«Бурсаки»

Павел Малов

2024-11-03

Contents

Павел Малов	1
«Бурсаки»	1
Глава первая	1
Глава вторая	10
Глава третья	18
Глава четвёртая	22
Глава пятая	30
Глава шестая	36
Глава седьмая	38
Глава восьмая	42
Глава девятая	46
Глава десятая	51

Павел Малов

«Бурсаки»

Повесть

Глава первая

Эта история началась с того самого момента, когда Женька, выйдя из огромного междугороднего тёмно-красного «Икаруса», поставил свой увесистый чемодан на плиты Ростовского автовокзала. В ту же минуту к нему с радостью подлетели друзья: Михаил и Славик.

- Здорово, бродяга! - Мишка затряс руку товарища.

Славик попытался неуклюже обнять.

- Привет, привет, ребята! - сиял Женька. - Показывайте, куда идти.

Шумной компанией рванули через небольшую площадь к троллейбусной остановке. Здесь Михаил спохватился.

- Погодите, а обмыть приезд?.. Ждите меня, я - пулей!

Его плечистая фигура исчезла в густой толпе прохожих. Женька вглядывался в отчего-то смущенное лицо Славика.

- Как живёте, пацаны?

- Нормально, - криво усмехнулся Славик.

- Ну и всё хорошо! - засмеялся в свою очередь Женька.

Михаил прибежал со свёртком.

- Славик, что ты спишь, наш троллейбус!

До общежития ГПТУ, в котором жили Михаил со Славиком, доехали минут за двадцать. В вестибюле строгая пожилая вахтёрша подозрительно взглянула на Женьку.

- Наш, говорите?

- Наш, наш, тётя Клава, - горячо заверил её Мишка. - Свой в доску!

- Буду поступать в училище, - подтвердил Женька, почувствовав, однако, некоторую неловкость от холодного приёма вахтёрши. Да и недавнее смущение Славика ему не понравилось с первого же взгляда. В душу закрадывалось сомнение: уж не совершил ли он промах, приехав в училище?.. Ещё неделю назад Женька учился в девятом классе. Была родная станица, дом, родители. Не было только друзей...

В каждом письме Мишка упорно настаивал на его приезде в Ростов. На все лады расхваливал ГПТУ, в котором учился со Славиком.

Женька не отвечал и думал... Прошёл сентябрь, потянулся октябрь, и вот в конце ноября Женька, бросив школу, приехал.

- Прошу пожаловать в наши хоромы! - Мишка передал свёрток Славику и, забежав вперед, комично поклонился, распахивая перед Женькой обшарпанную дверь комнаты.

В помещении за столом сидел белобрысый парень и что-то писал, склонясь над тетрадью. Больше никого не было. Друзья шумной ватагой ввалились в комнату и принялись раздеваться. Пальто у Женькиных товарищей были одинаковые, форменные - «бурсацкие», как в письмах выражался Мишка. Одинаковыми были и черные костюмы с голубыми вьетнамскими рубашками, и даже ботинки, которые Мишка, сняв и швырнув в угол, презрительно назвал «гадами». Вообще Мишка вёл себя заядлым гэпэтэушником. Славик больше помалкивал. Как будто боялся выдать какую-то важную тайну.

Едва успев раздеться, Мишка начал распорядиться закуской, не обращая внимания на сидевшего за столом белобрысого паренюка. Мишка небрежно отталкивал его книги и тетради, разбросанные по всему столу, и то и дело норовил задеть паренюка локтём. Тот, как будто не замечая происходящего, продолжал заниматься. Однако он чуть-чуть покраснел, как отметил Женька.

Мишка между тем, выставив на стол две увесистые бутылки вина «ноль восемь», с силой пнул писавшего паренюка в плечо, отчего ручка его косо скользнула по бумаге, и зло скомандовал:

- А ну-ка, Поп, мотай отсюда со своей писаниной, видишь - мешаешь!

Парень покраснел ещё сильнее, но всё-таки попробовал возразить:

- Что я мешаю? Ничего я не мешаю. Я сейчас...

- Давай быстрее, да позови Бучу из сорок четвёртой, - продолжал распорядиться Мишка.

Паренёк наспех собрал свои бумаги и незаметно выскользнул в коридор. Мишка самодовольно подмигнул Евгению, как бы говоря этим: «Вот так мы тут и живём, Жека. Учись!»

Женька невольно поморщился. Он сразу же вспомнил школу и того, другого Мишку Калашникова, которого как-то, на глазах всего класса, бил по физиономии самый слабый, низенький паренёк Юрка Гапонов. Мишка не сопротивлялся. Он боялся Юрку, а пуще всего боялся его старшего брата, недавно вышедшего из тюрьмы. И вот теперь, вспомнив всё это, Женька поморщился как от зубной боли. В душу опять стали закрадываться сомнения.

- Ну что, Миша, начинаем? – прервал минутное молчание Славик, но Михаил только недовольно на него прищипнул.

- Подождём Бучу.

- А кто такой этот Буча? – поинтересовался Женька. Он уже начинал кое-что понимать в происходящем, и постепенно принимал сторону Славика. Славик был из числа людей, которые слышат чужаками. Над такими частенько издеваются в ребячьих компаниях. Женька никак не мог забыть случая, происшедшего в шестом классе на уроке черчения, когда они со Славиком ещё не были так хорошо знакомы. Выпало им тогда сидеть за одной партой. Учительница дала задание и углубилась в свои конспекты. Класс принялся за работу, и только Женька со Славиком весь урок бездельничали. Дело в том, что у Женьки не имелось карандаша – только новенькая пластмассовая линейка. У Славика же, наоборот, был карандаш, но не имелось линейки. Так они и просидели почти до самого звонка, вертя в руках каждый свой инструмент и не решаясь попросить его один у другого. Причём Женька не спросил у Славика карандаш, опасаясь отказа, а тот наоборот, стеснялся самого Женьки. В конце урока учительница приступила к проверке задания, и лишь тогда Женька, побледнев от злости, чуть ли не вырвал этот злополучный карандаш из рук Славика. При этом он пробормотал под нос что-то нечленораздельное, отдалённо напоминающее просьбу. Славик же так и не решился одолжить у Женьки линейку...

Немного помедлив с ответом, Мишка, заметно рисуясь, произнёс:

- Буча это, Жека, сила! Вот сам позыришь, что за пацан.

- А этот? – Женька кивнул на дверь, за которой только что скрылся белобрысый парнишка.

- Это Попов, дурак один из нашей группы, – с явным пренебрежением ответил Мишка. Где только и набрался он этого гонора.

- С нами будешь жить. Кого-нибудь из этих «плугов» выбросим и дело в шляпе, – заверил товарища Мишка.

Немного помолчали. Женька неуверенно повертел в руке пустой гранёный стакан.

- Вы тут, смотрите, Мишка, уже спились, наверное? И Славик вон... В школе тихий был.

Мишка похлопал Славика по плечу.

- В тихом омуте черти водятся... А вот и Буча!

- Салют всей честной компании! - провозгласил с порога упитанный, широкоплечий молодой человек, нахально, из-под нависшего на глаза чуба, рассматривая одного Женьку. При этом молодой человек потрясал в воздухе согнутой в локте правой рукой, отчего сильно походил на Леонова, когда тот снимался в кинофильме «Джентльмены удачи».

- Проходи, Серый! - замахал ему рукой, проворно выбираясь из-за стола, Мишка. - Вот знакомься: мой друг и земляк Жека Матвеев. Я тебе говорил про него. Учиться приехал.

Широкоплечий, похожий на Леонова в молодости, парень Буча ещё раз - нагло и недоверчиво - взглянув на Женьку, протянул всё же ему руку и после ответного крепкого рукопожатия водрузился на услужливо поданный Мишкой стул. Гулянка началась.

Женька до этого уже пил вино. Бывало это в основном по праздникам, весной на Пасху, да на чьей-нибудь свадьбе перепадала рюмка, другая. Женька этим делом сильно не увлекался. Зато Юрка Гапонов, самый задиристый в классе мальчишка, слыл и за отчаянного выпивоху. Отец его, по слухам, гнал самогонку, а недавно освободившийся из заключения брат вечно ходил по станице пьяный, пугая возвращавшихся с танцев девчонок. Сам Юрка на спор как-то выпил из горлышка целую чекушку водки, которую ему в складчину купили ребята, и чуть не отправился на тот свет, благо вовремя подвернулась машина, идущая в районный центр. Юрку в больнице откачали, но он с той поры запил ещё сильнее, и в пьяном виде как-то побил Мишку Калашникова. Свидетелем этому был весь их седьмой «Б» класс.

Женька тогда заступился за друга, вздвух хорошенько Гапонова. Пьяный Юрка пообещал ему это припомнить...

Широкоплечий парень Буча чем-то напоминал Юрку Гапонова. Не комплекцией, конечно, а хищными, хулиганскими повадками, мало скрываеваемой агрессивностью. Женька исподтишка наблюдал за каждым его движением.

Когда стаканы были наполнены, Мишка поднялся с места и провозгласил тост:

- Выпьем, пацаны, за чувих и... чтобы нам всегда было клёво!

- И за Женьку, за приезд, - робко добавил Славик.

- И за приезд! - спохватился Мишка, чуть не поперхнувшись вином. - За тебя, Жека!

Парень Буча, снова изучающе взглянув на Женьку, слегка прикоснулся своим стаканом к его стакану и негромко заметил:

- За знакомство.

- За него, - согласился Женька и, затаив дыхание, выцедил липкую, приторную жидкость всю до последней капли, и только отставив пустой стакан, с жадностью хватанул воздуха, как пловец, долгое время находившийся под водой.

Мишка, картинно отставив мизинец и держа стакан двумя пальцами, небрежно поднёс край его ко рту и мелкими глотками вылил в себя вино. Он смаковал каждый глоток и всем своим видом показывал, с каким огромным удовольствием он это всё делает. Славик долго не решался выпить свою дозу багряной жидкости, то поднимая, то вновь опуская руку. Потом вдруг, сразу решившись, он впился губами в край стакана и оставил его наполовину опорожнённым, кривясь и закусывая нарезанной на газете колбасой. Занятнее всех пил Буча, так что Женька даже засмотрелся, забыв о закуске. Буча поднял руку со стаканом вверх примерно на уровень носа, подставив под него широко разинутый рот и, слегка наклонив стакан, одним глотком вылил в себя его содержимое.

На пороге в это время появился ещё один парень, живший в их комнате. Смуглолицый, с черными вьющимися волосами и глуповатой улыбкой на губах. Это был гагауз Гайдаржи, как объяснил Женьке Славик. Звали его Илья, но в группе его по имени никто не называл. Ему придумали кличку Аркадий Гайдар или попросту Аркаша.

- Тебе какого... здесь нужно, Аркаша? - грозно взглянул на вошедшего Мишка. - По башке схлопотать хочешь?! Что? Не понял? Да я тебя сейчас... Славик, дай ему в торец, что смотришь!

Смуглолицый Аркаша, виновато улыбаясь, пытался объяснить цель своего прихода. При этом он так сильно коверкал слова, что сразу можно было определить его не русское происхождение. Кто такие гагаузы и с чем их едят, никто в группе не знал. Справились у мастера производственного обучения и тот, глубокомысленно наморщив лоб, предположил, что гагаузы живут где-то на Кавказе. Так с легкой руки руководителя группы и стал Аркаша кавказцем.

- Ты, Миша, не кричи, - говорил между тем Гайдаржи, поднося руки к лицу, как бы защищаясь от предполагаемых ударов. - Я только сигаретки возьму... Я сейчас убегу, ты не ругайся.

- На, получай свои сигаретки! - Мишка с ненавистью швырнул

в доброе Аркашино лицо начатую пачку «Примы». – И сегодня же собирай свои манатки, здесь мой корефан Жека будет жить. Понял?

– Ты что, меня из комнатенки прогоняешь? – переспросил перепуганный Аркаша.

Сидевший возле Мишки Буча схватил вдруг со стола вилку и заорал на съёжившегося у двери Аркашу:

– Тебе жить надоело, придурок? Попишу! Канай отсюда, морковка!

– Редиска, – с ноткой иронии в голосе, поправил его Женька. Он понимал, что Буча рисуется, и его угрозы – пустой звук. Но всё равно чувствовал себя в его присутствии нехорошо.

Аркаша, не дожидаясь дальнейшего развития событий, благоразумно удалился. В дверь, за которой он скрылся, тут же впилась Бучина вилка. Стены комнаты потряс нечеловеческий хохот, который, наверняка, был слышен даже на улице. Это хохотал Буча. Он, по всей видимости, уже начинал терять над собой всякий контроль. Сильно стукнув молчаливо сидевшего рядом Славика по плечу, Буча властно приказал:

– Хомяк, а ну-ка сбегай к нам в комнату и притащи поскорее музыку, проигрыватель. Живее, одна нога здесь, другая там! Гулеванить, так гулеванить... Музыка хочу!

Славик попробовал отвертеться.

– Ты лучше сам, Серега, что – я?.. Вдруг что не так, с меня же... Сам ты лучше бы...

– Бунт на корабле? – зловеще прошипел Буча и сжал кулаки. – Бунт я подавлю, Хомяк. А ну живо за музыкой!

После первого же несильного удара в живот Славик сдался и покорно пошёл за «музыкой». Мишка через силу хихикнул и, пряча глаза от Женьки, взялся за бутылку. Женька, набычившись, промолчал.

– Ты брось это, кореш... Плюй на всё и береги здоровье, нервные клетки не восстанавливаются, – бубнил над Женькиным ухом распоясавшийся хулиган Буча. – Ты, если жить в «Бурсе» думаешь, на эту дрянь не гляди, это все «плуги», «шестёрки»... Вон спроси у Мефодия, он тебе скажет...

– Я же тебе писал, Жека, – укоризненно взглянул на товарища Мишка.

- Да, да помню. Местные... - рассеянно протянул Женька, впиваясь пятернёй в свои волосы. Он вспомнил, как Мишка сообщал ему как-то в письме, что группа их делится на «местных», то есть ростовских ребят, и приезжих. Причём себя Мишка почему-то причислял к когорте «местных». Женька и раньше знал о подобной вражде города и деревни. Как-то к ним в станицу прислали на уборку урожая ленинградских студентов. Местные мальчишки сразу же атаковали приезжих женского пола. Сначала всё шло без особых эксцессов. Но вот однажды на танцах случилась драка. Кто-то кого-то обозвал, кто-то кого-то ударил, и Юрка Гапонов, собрав свою компанию, пошёл в лагерь к ленинградцам выяснять отношения. Впоследствии рассказывали, что там Юрка ударил ножом какого-то парня, и на следующий день был препровождён к участковому. Самое смешное было то, что ударил этого парня Юрка Гапонов в ягодицу, что и спасло его от верной колонии. Женька в подобных драках никогда не участвовал. Не понимал, как можно бить человека ни за что, только за то, что он живёт не в станице, а в городе.

Когда Славик принёс проигрыватель, стаканы вновь были наполнены. Широкоплечий парень Буча заметно окосел, и уже несколько раз вместо пепельницы ткнул сигаретой в нарезанную на газете колбасу. Мишка ударился в воспоминания:

- А ты помнишь, Жека, в четвёртом классе?.. Зимой...

Женька так же его поддерживал:

- А ты, Миша, помнишь нашу первую любовь? Ларису помнишь?..

Славик включил проигрыватель и поставил пластинку. Широкоплечий парень Буча оживился.

- Вот кайфово - «Верба»!.. Моя любимая музыка. Давай, Хомяк, крути «Вербу»!

Буча даже попробовал подпевать, но у него спьяну ничего не вышло, заплетался язык.

Мишка предложил выпить. На этот раз пили без всяких тостов. Просто, лишь бы выпить. «Верба» вскоре кончилась, и в проигрывателе зазвучал «Соловей» - чилийская народная песня. Вконец захмелевший Буча хлопнул вдруг для чего-то кулаком по столу и прорычал на всю комнату:

- Соловей, морду разобью, выключи музыку! Хочу карты... Хомяк, выключи, я говорю!

Нравившаяся Женьке песня прервалась в самом начале. Женька, только что устроившийся поудобнее на стуле и

приготовившийся блаженствовать, опешил.

- Ты что, Славик? Ты зачем пластинку убрал? А ну-ка включи сейчас же! Такую песню не дал послушать.

Сбитый с толку Славик, не зная кому повиноваться, поставил всё же пластинку, и тут же получил доброго тумака от Бучи.

- Ты что, «плуг»? Ты что богуешь? Кому говорят, выключи. Карты хочу!

- Славик, включи, что ты его слушаешь. Включай, не бойся! - не уступал в свою очередь Женька, со злостью разглядывая рассвирепевшего Бучу.

Мишка, предчувствуя недоброе, принялся снова разливать вино по стаканам. Буча тяжело поднялся со стула и, повернувшись к Женьке, угрожающе сжал кулаки.

- Ты что, чувак, богуешь? Да?.. «Плуг»!.. Мефодий, дай мне нож я его зарежу!

Мишка побледнел и затрясся, как осиновый лист, налив всё же в последний стакан.

- Не надо, Серый!.. Жека, молчи, он тебя зарежет!

Славик отскочил к стене, для чего-то прижав к груди большую пластинку. Женька, почувствовавший как вместе с хмелем в крови разливается лютая ненависть к этому распоясавшемуся до беспредела хулигану Буче, взял со стола налитый до краёв стакан.

Буча между тем не унимался:

- Да я тебя сейчас уделаю, сука! Одной левой пришибу. Ты ведь пять лет лишних живёшь... Сейчас море крови будет! Не держите меня, я его сейчас!..

Бучу никто и не думал держать. Он так говорил просто, чтобы что-нибудь сказать и протянуть время. Увидев, что слова его не действуют, он попытался ухватить Женьку за грудки, но тот в это время, далеко отставив назад руку со стаканом, с силой плеснул вино в Бучину физиономию. Буча захлебнулся «угощением», и, весь мокрый, смешной, с выпученными от удивления жабьими глазами и открытым, зевающим ртом, повалился навзничь, мимо стула, прямо в объятия поспешившего ему на помощь Михаила. В комнате воцарилась гробовая тишина.

Глава вторая

На следующий день выпал снег. Наскоро умывшись, друзья поспешили в столовую, вспоминая по дороге детали вчерашней ссоры.

- Зря ты его так, Женька, - горячился Мишка. - Буча парень клёвый, вот увидишь!

- Поделом, не спорь, - несмело возражал Славик.

Женька молчал и плотно сжимал пересохшие с похмелья губы. Во рту у него горело. Голова после вчерашнего кружилась. К тому же - то и дело тянуло на рвоту. Женька жадно хватанул снега.

У столовой нос к носу столкнулись с помятым, взъерошенным и злым Бучей. Женька презрительно отвернулся. Мишка поспешил поздороваться:

- Привет, Серый! Ты как после вчерашнего, ничего?

- В смысле? - удивлённо взглянул на него Буча.

- Я говорю, голова не болит после вчерашнего? - виновато замялся Мишка.

- Не болит, - пробурчал Буча и, отшвырнув в сторону какого-то нерасторопного бурсака, ввалился в столовую. Походка у него была медвежья, как отметил Женька.

Друзья вошли в столовую вслед за ним. В коридоре, за столиком, дежурный мастер выписывал чеки на получение завтрака. Ребята называли номер своей группы и, заполучив чек, в одиночку или партиями отправлялись к окошку раздаточной. Другие уже сидели в зале за столами, дружно орудуя ложками. Женьке невольно пришла на ум «Республика Шкид».

- Как в детдоме, пацаны!

- Ещё хуже, - поддакнул другу Славик.

По-быстрому проглотив свои порции, вышли курить на улицу.

- Вон наши, айда! - указал Мишка в дальний конец двора, и первый направился к большой толпе перекуривающих «бурсаков».

Женька сразу же отметил среди них уже знакомого парня Бучу, разговаривавшего с долговязым, худощавым юнцом без шапки, со школьной папкой под мышкой. Буча что-то

рассказывал худощавому и указывал пальцем на Женьку. Славик предостерегающе потянул друга за руку.

- Видал, Жека, Бучу?.. Рядом - Соломон, староста нашей группы. Местный.

Мишка уже здоровался с однокурсниками. Женька остановился метрах в двух от Бучи и, чтобы выиграть время, начал прикуривать сигарету. Высокий, худощавый парень, которого Славик назвал Соломоном, сощурившись, взглянул на Женьку и нагло спросил:

- Ты что, кореш, орёл?

- Нет, - односложно ответил Женька.

- Откуда?

- Издалека, отсюда не видно!

Долговязый Соломон опешил, не находя к чему бы ещё придраться. В это время к ребятам подошёл преподаватель.

- Перекур, хлопцы? Кончай перекур, - на занятия!

- Вот новенький, Василий Фёдорович, новенького привели! - раздалось несколько ребячьих голосов, и Женька оказался лицом к лицу с мастером.

- А, новенький, - обрадовался чему-то Василий Фёдорович и удовлетворённо оглядел Женьку. - Ну пойдём со мной, познакомись с нашим шефом... А вы, ребята, живо на занятия. Какой первый урок?

- Эстетика! - дружно ответил ему весёлый хор голосов, в стену столовой впилось несколько снежков, и двор опустел.

Женька пошёл за мастером.

- В учебной части ещё не был? - спрашивал по пути Василий Фёдорович. - Нет? Ну и хорошо. Не надо спешить, успеешь. Спешка при ловле блох нужна. Ознакомься сначала с училищем, осмотришься, может, что не понравится. У нас ведь как бывает: поступит человек, документы сдаст, оденут его, обуют, проучат полтора года, а потом - бац! - ему и разонравилось. И что же тогда? Уходить? Пожалуйста, выплачивай семьсот рублей денег, которые государство на тебя затратило и - до свидания! А где их взять, деньги-то? У мамы с папой?.. Вот то-то и оно... Как, говоришь, твоё отчество? Тоже Фёдорович? Почти что тёзки... Да-а, брат, такие пироги...

Мастер Женьке понравился. Пожилой, чисто одетый, с правильными чертами свежесбритого крестьянского лица,

он создавал приятное впечатление.

В главном корпусе училища царила необычная тишина. Изредка по коридору пробегал дежурный да проходил в комнату мастеров преподаватель. Из туалета со смехом выскочили две девчонки и, взявшись за руки, запрыгали вверх по лестнице на второй этаж.

Василий Фёдорович ввел Женьку в комнату, заваленную географическими картами, поломанными стульями, чучелами птиц и всяким другим хламом. Посередине помещения, вдоль разосланного по полу транспаранта, ползали на коленях с кисточками в руках два человека. В одном Женька сразу узнал Попова из своей комнаты. Другой – пожилой тучный, похожий на крота, мужчина в очках – был, вероятно, мастер. Василий Фёдорович представил ему Женьку и, чему-то усмехнувшись и покачав головой, вышел.

Похожий на крота мужчина проворно вскочил на ноги и, отряхивая запачканные колени, подошёл к Женьке.

– Я руководитель группы, в которой ты будешь учиться. Зовут меня Корольков Анатолий Васильевич. Преподаю спецтехнологии... Попов, ступай на урок, на перемене подойдешь, – закончил он без всякого перехода, даже не повернув головы к Попову, так что Женька едва не принял его последние слова на свой счёт. Преподаватель показался ему со странностями.

Попов удалился, а Корольков, соскабливая ногтями въевшуюся в ладони краску, суетливо зашагал по комнате.

– Документы сдал? Сразу же от меня – в учебную часть! Рисуешь? Пишешь? Плакатным пером владеешь?

Женька не успевал отвечать на сыпавшиеся на него вопросы. Ощущение было такое, как будто он находился в кабинете следователя. Не замечая закипающего в Женькиной душе раздражения, Корольков продолжал мотаться из угла в угол, как маятник.

– Фотографией не увлекаешься? Я чуть-чуть балуюсь. Ещё снимаю кинокамерой. На втором уроке прокручу фильм, посмотришь. Там моя старая группа в Волгограде, на Мамаевом кургане... В ансамбле не играл? Жаль, ударник до зарезу нужен! Не играл, да? Стихи не пишешь?

– Нет, не пишу, – начиная уставать от bestолкового допроса, сердито отвечал Женька. – И петь тоже не умею. И, как это ни странно, не танцую.

- Ну, это не беда, научим. У нас как в армии: не можешь - научим, не хочешь - заставим! - не принимая Женькину иронию, воодушевлено говорил Корольков. - Танцевать сейчас просто необходимо, Евгений. Иначе девчонки любить не будут. А девчата у нас в училище!.. Ты комсомолец?

- Нет, - сжав зубы, мрачно цедил Женька.

- Хорошо, очень хорошо! - продолжал бегать по комнате Корольков. - После Нового года у нас приём в комсомол. Готовься, прием обязательно. В футбол не играешь?

- Я кирпичи коллекционирую, - зловеще пошутил Женька. - Те, которые с крыши на голову падают.

- Правда? - ошалело взглянул на него мастер и поправил очки.

На втором уроке Корольков привёл Женьку в пустой актовый зал, одновременно служивший и зрительным, задёрнул шторы и прокрутил нудный фильм о Мамаевом кургане и о своей старой группе. Женька зевал весь фильм, а под конец чуть не заснул. Корольков его измучил до такой степени, что парень уже раскаивался в своём приезде в училище.

- От меня сразу же в учебную часть сдавать документы! - ещё раз предупредил Корольков после просмотра фильма.

Женька наконец-то обрёл долгожданную свободу и вышел на улицу. Идти сейчас в учебную часть не хотелось. Тянуло побродить по улицам, посмотреть город. Женька закурил и неторопливо направился к остановке троллейбуса. Ему было всё равно куда ехать. Он сел в первый подошедший троллейбус, даже не взглянув на номер маршрута. По салону ходила маленькая сгорбленная старушка-кондуктор в сером оренбургском платке и продавала абонементные талоны. Женька купил у неё талонов, причём один из них не стал компостировать, а отдал кондукторше, проехал несколько остановок и вышел.

Женька радовался зиме, радовался первому снегу, радовался девчонкам у школы. Там, в станице, тоже были девчонки. В одну, Наташку Громову, он даже как-то был по уши влюблён вместе со Славиком. Славик являлся несерьёзным конкурентом, к тому же мало что смыслил в любовных делах, и Наташка естественно предпочла Женьку.

Парень с радостным содроганием вспомнил первый поцелуй, который однажды подарила ему Наташка тихим летним вечером возле речки. Ему в тот раз хотелось Наташку не только целовать...но он не знал, как это делается. Он неумело,

трясущимися руками расстёгивал на её брюках молнию и никак не мог с нею справиться. Наташка тяжело дышала и не отталкивала его. Под кофточкой, как живая, трепетала её маленькая упругая грудь. Он залез рукой в её лифчик, помертвел от необычного ощущения, почувствовав мягкость молодого девичьего тела. Тут их позвали искавшие их ребята. Они встали, торопливо оправили одежду, и пошли вместе со всеми в станичный клуб на танцы. Больше они с Наташкой никогда не сидели вдвоём возле речки. Девчонка начала почему-то его избегать, Женька злился, тщетно добиваясь её внимания, и, наконец, махнул на неё рукой. Но в душе иногда вспыхивали грустные воспоминания. Как сейчас, например.

Последнее время Женьку всё сильнее влекло к девчонкам. Он чувствовал, что это было уже не то полудетское, чисто платоническое влечение к одноклассницам в школе, не требующее никаких физических проявлений, а что-то другое, более серьёзное и взрослое, от чего ночами становилось тоскливо и пусто на душе и снились такие сны, от которых при воспоминании утром самому становилось стыдно.

Женька знал, что нечто подобное испытывают все мужчины. Как-то раз Юрка Гапонов принёс в школу целую пачку фотографий, которые запрещается смотреть, но которые, тем не менее, с равным интересом смотрят как взрослые, так и дети. Сбившись в тесный круг в туалете, ребята с циничными шуточками разглядывали фотографии. После этого Женька долго стыдился смотреть в глаза девчонкам, как будто узнал о них какую-то неприличную тайну, а к взрослым женщинам вообще начал испытывать плохо скрываемое презрение, отождествляя их с теми, другими женщинами на Юркиных фотографиях.

Сейчас он шёл и с затаённым интересом вглядывался в лица проходивших мимо девчонок. В голову невольно приходили необычные мысли: «Что, если вот эта, например, курносая хохотушка судьбой предназначена для меня? А они пройдут мимо друг друга и никогда больше не встретятся... А может, вот эта, чёрненькая, в потёртых джинсах?.. Мороженое по такому холоду ест, дурёха. Сейчас бы чаю горячего!.. Нужно обязательно сходить как-нибудь на танцы, там, говорят, легко познакомиться. Городские девчонки так и виснут парням на шею. Мишка говорил...»

При воспоминании о Мишке у Женьки сами собой сжались кулаки. «Опять подвёл Мишка! Писал, что живут хорошо, местные их не трогают... Конечно, не трогают, если он им шестерит!».

Ещё в школе Мишка отличался своей беспринципностью и неумением держать слово. Он постоянно всех подводил, если это не затрагивало его личных интересов. Если же дело сулило ему личную выгоду, Мишка был пунктуален, как немец. Не раз он подводил и Женьку.

Парень с ожесточением сплюнул. «Какой был, такой и остался. Славика, наверно, затуркал, шакал! Ну, я до него доберусь. Вот только местные...»

Местные по-прежнему не давали покоя. Вчерашний Буча, сегодняшний Соломон, кто там ещё на очереди? Женька зло стиснул зубы. «Что ж, посмотрим, чья возьмёт. В крайнем случае, двум-трём попорчу фотокарточки напоследок! Покажу этой шпане, как дерутся настоящие казаки! Главное не молчать и не давать себя в обиду».

Размышляя так, Женька брёл по городу и сам не заметил, как вскоре оказался в городских трущобах. Дома здесь громоздились чуть ли не один на другой, переулки – кривые и грязные – покато спускались к Дону, в глухих, обшарпанных подворотнях мелькали какие-то зловещие тени. По-осеннему рано садящееся солнце подпалило последними лучами крыши дальних городских многоэтажек.

Женька убыстрил шаг и, дойдя до первого же перекрёстка, с опаской огляделся по сторонам. Прохожих на улице почти не было. Машин тоже. Только иногда по рельсам, позванивая на стрелках, пробегал красно-желтый чехословацкий трамвай. С противоположной стороны улицы, из распахнутой форточки, доносился голос Высоцкого. Женька уже слышал раньше в станице подобную запись. Это была «Охота на волков».

Он пошёл дальше. Пока добрался до запомнившегося ему перекрёстка, стемнело ещё сильнее. Испытывая какое-то смутное внутреннее напряжение, вынул из кармана брюк перочинный ножик и, тайком раскрыв его, сунул в карман «бурсацкой» телогрейки. Её он сегодня утром одолжил у Мишки, опасаясь замёрзнуть в своём стареньком демисезонном пальто, и теперь начинал в этом раскаиваться. Изредка попадавшие навстречу прохожие поражали его своими модными импортными куртками, тяжёлыми меховыми шубами и дублёнками. Женька в душе окрестил их всех «стилягами». В станице так дорого не одевались. Во-первых, в сельмаге ничего подобного не продавалось, а во-вторых, такие наряды были там ни к чему: в них просто некуда было выйти. Не на ферме же щеголять в заграничной куртке.

На него начинали коситься. Женька, предполагая, что

идёт верно, снова сбился с пути и неожиданно очутился в центральной части города. Здесь было очень много машин и прохожих, но спросить у кого-либо, как добраться до общежития он не решался. Женька даже не знал номера ГПТУ, в котором ему предстояло учиться.

От долгой бесцельной ходьбы разболелись ноги. К тому же, уже давно и сильно хотелось «на двор». Парень начинал нервничать. Как он не вглядывался в дома и многочисленные вывески, нигде не было ничего похожего на заведение, которое ему было необходимо, а спросить он бы не решился ни за что в жизни. Живот между тем сводило всё туже. Женька похолодел.

Какой-то усатый парень с сигаретой в тонких пальцах обратился к нему с каким-то вопросом, но Женька даже не взглянул в его сторону, продолжая метаться в густой толпе прохожих. Из глаз его выступили слёзы. Ещё немного и он бы разревелся от стыда и бессилия. «Проклятый, равнодушный ко всему город!».

Неожиданно его взгляд скользнул по надписи на фасаде здания, расположенного в глубине двора за высокой металлической оградой. «Музей!» – Женька чуть не закричал от радости и опрометью бросился к подъезду, возле которого на бетонных лафетах стояли две старинные чугунные пушки, а неподалёку от них – настоящая боевая «сорокапятка».

Приобрести билет в кассе было делом одной секунды. Женька, даже не взглянув на пятнадцать копеек сдачи, положенные перед ним кассиршей, вихрем залетел в расположенную тут же, на первом этаже, одну из двух туалетных комнат. Впопыхах он не рассмотрел хорошенько, что было изображено на двери. Буквы «М» не было точно, но вместо неё была нарисована какая-то неправильная геометрическая фигура, весьма отдалёно напоминающая человеческую, а тем более, мужскую. Раздумывать долго не приходилось. На соседней двери была почти такая же фигура, только с двумя ногами.

Едва переступив порог, он сразу понял, что крупно опростоволосился. Растерянный взгляд напоролся на девушку в красной вязаной шапочке, мывшую под краном руки. Глаза их встретились и Женька, едва не сгорев от стыда, сконфуженный попятился к выходу, бессвязно бормоча на ходу слова извинения. Девушка рассмеялась.

«Угораздило же!» – сокрушенно думал парень, забежав в соседнюю комнату. Давно он не попадал в такую оказию. Перед мысленным взором продолжали стоять большие, карие, выразительные глаза девушки, по годам примерно

его ровесницы. Женька хорошо запомнил её лицо, особенно глаза, так и пронзившие его насквозь, как будто иголками.

Чтобы не зря пропадали деньги, уплаченные за вход в музей, он решил прогуляться по залам. Тем более – было чуточку интересно: а что же там, наверху? В музее Женька никогда ещё не был.

В первой же комнате, куда он зашёл, его поразил огромный скелет мамонта. Женьке даже захотелось потрогать его руками, но помешала старушонка, сидевшая в углу за вязанием.

– А это настоящий мамонт, тётенька? – спросил у неё Женька.

– А бог его знает, – пожалала та неопределённо плечами. – Стоит, ну и пускай себе стоит на здоровье. Ты руками-то вещи не трогай. Глядишь, ещё что поломаётся.

– Да, конечно, – согласился с ней Женька и перешёл в следующий зал.

Там была какая-то группа с экскурсоводом, который что-то объяснял, тыча указкой в картину, изображавшую привал древнерусских дружинников. Женька задержался перед муляжом татарина. Татарин держал в руках натянутый лук со стрелой и, злобно прищурившись, смотрел на Женьку своими раскосыми глазами. Тут уж Женька не вынес искушения, и подёргал фигуру за длинный ус. В ту же минуту с головы татарина свалилась железная шапка и с отчаянным грохотом покатила по залу. Женька, весь красный, как рак, погнался за ней и еле успел подхватить у самых ног экскурсовода. Вокруг засмеялись. Экскурсовод недовольно поморщился, и Женька, сгорающий от стыда, поспешил со злополучной шапкой к татарину.

Из других комнат на шум сбежали служащие музея, и закипел скандал. Женьку сразу же обвинили в том, что он будто бы хотел похитить этот татарский шлем, и пригрозили вызвать милицию. Женька доказывал, что у него и в мыслях не было такого намерения. Неизвестно, чем бы всё это закончилось и, что бы сделали сердитые работники музея с растерявшимся Женькой, если бы к нему неожиданно не подоспела помощь.

– Я всё видела, он нечаянно свалил шлем, – протолкавшись сквозь толпу, решительно заявила девушка с большими выразительными глазами, та самая, которую Женька перед этим уже видел в туалетной комнате. – Он нисколько не виноват, я всё видела. Ну, сами посудите, зачем ему эта кастрюля? – горячо говорила девушка.

Эти её доводы подействовали. Толпа любопытных, уже начавшая собираться вокруг Женьки, рассосалась и он, уткнув от стыда глаза себе под ноги, выбежал из музея на улицу.

Глава третья

Следом за ним вышла и его спасительница.

- Ну, ты и чудило! Зачем к экспонату полез? В музее ничего руками не трогают, - со смехом проговорила девчонка.

Женька, продолжая испытывать неловкость от своего недавнего конфуза в туалете, растерянно промолчал.

- Что стоишь, как столб, пойдём, что ли! - продолжая улыбаться, добавила девчонка. - Ты в ГПТУ учишься?

- Да, только сегодня приехал, - кивнул Женька.

- Ну и нарядили тебя, - фыркнула та, кивая на телогрейку. - Сразу видно, что приезжий. Местные ребята так не ходят.

Они пошли по центральной улице в сторону Кировского, перебрасываясь короткими фразами.

- А ты сама где живёшь? - спросил Женька.

- А везде я живу.

- Как так везде?

- А так везде. Потом увидишь...

- А зовут тебя как?

- А как хочешь, так и зови.

- Как так?

- А так, как назовёшь, так и будет. Я, например, Растяпой тебя буду звать.

- Почему же Растяпой?

- А мне так больше нравится... Чудило! - девчонка весело стрельнула в него глазами. - У тебя, кстати, деньги есть?

- Есть, а сколько надо?

- А нисколько, давай всё, что есть! Знаю, у «бурсаков» никогда много денег не бывает.

Женька, порыскав по карманам, выгреб три рубля с мелочью.

- Вот, у меня больше нет.

- Ничего, хватит, - пряча деньги в сумочку, проговорила девчонка. - Сейчас мы с тобой купим бутылку водки и поедем ко мне.

Она сказала это тоном, не допускающим возражений. От таких её слов сердце у Женьки ёкнуло и учащенно забилося. В голове возникла соблазнительная картина... Но он, поколебавшись, всё-таки поинтересовался:

- А что мы будем у тебя делать?

- Как что, не знаешь что ли, что делают парень с девчонкой, когда остаются вдвоём? Трахнемся.

Женька опешил и даже приостановился, не веря своим ушам, что услышал от неё такое.

- Ну что стал, телёнок? Или не хочешь, может? - она выжидающе взглянула на него, поигрывая своими большими красивыми глазами.

- Знаешь, ты какая-то странная, - с трудом выдавил из себя Женька.

- А это плохо или хорошо? По-твоему лучше, когда парень с девчонкой сидят друг от друга на пионерском расстоянии и дуют лимонад с пирожными?

- Чудная ты, - снова неопределённо пожал плечами Женька и они продолжили свой путь.

Дойдя до Кировского проспекта, свернули налево. Здесь, в гастрономе, она купила бутылку водки и, спрятав её в сумочку, передала сумку Женьке.

- Неси, оруженосец, ухаживай за дамой!

- А как же, всё-таки, тебя зовут? - вновь спросил Женька, когда они подошли к автобусной остановке.

- А ты угадай.

- Оксана? - назвал он наобум первое попавшееся имя.

- В точку! - искренне удивилась та. - А ты телепат.

Женька сам не ожидал, что угадает и вначале обрадовался, но потом подумал, что такой ничего не стоит и соврать.

Они сели на дребезжащий старый троллейбус и поехали в сторону площади Карла Маркса. Народу на остановке набилось

много, и они с Оксаной оказались тесно прижатыми друг к другу. Её красивое, чуть смугловатое лицо оказалось почти на уровне его лица. Женька ощущал её теплое дыхание, улавливал исходивший от неё свежий морозный аромат. Её молодая, острая грудь под пальто плотно прижалась к его телу, вызывая томительное волнение. Женьке вдруг захотелось поцеловать Оксану. Как бы угадывая его мысли, та выжидательно посмотрела ему в глаза и чуть слышно, одними губами, шепнула: «Поцелуй меня!».

Женька неумело прижался к её холодным губам своими, враз пересохшими от сильного волнения, губами. Девчонка торопливо ответила на его поцелуй и, отстранившись, улыбнулась.

- Целоваться не умеешь, растяпа! Ну, ничего, научу.

От такого многозначавшего обещания сердце у парня забилось ещё сильнее. На душе стало радостно, как на праздник.

Район, куда они приехали, Женька не знал. Он вообще плохо ориентировался в Ростове. Оксана долго водила его по тёмным, запутанным переулкам. Они проходили через какие-то дворы, поднимались по лестницам. Это были настоящие трущобы, наподобие тех, которые обычно показывают по телевизору, критикуя «проклятый, загнивающий капитализм».

Открыла им неопрятная пожилая, но ещё молодящаяся женщина. С любопытством окинула с ног до головы гостя.

- Мама, познакомься, это мой жених Виктор. Он будет у нас сегодня ночевать, - представила Оксана сконфуженного от таких слов Женьку.

- Ну, ну, жених, значит... - женщина недоверчиво покачала головой и пропустила их в квартиру.

- Будь как у себя дома, Витя, не стесняйся, - приободрила его Оксана.

Женька неопределённо пожал плечами, но доказывать, что он не Виктор, не стал. Он уже начинал привыкать к причудам своей новой знакомой.

Дожидаюсь, когда женщины соберут на стол, Женька устроился в зале на диване. Обстановка в квартире была современная, но не новая. Мебель - с оббитыми углами, покарябанная. Диван потёртый. Потолок давно не беленый, пол не крашен. С первого взгляда было видно, что хозяева не придавали большого значения красоте своего жилища.

Краем уха Женька услышал доносившийся из кухни разговор и, заинтересовавшись, прислушался.

- Что это за тип с тобой в телогрейке? Тюремщик, что ли? - спрашивала мать у Оксаны.

- Да, зек, мама. Только вчера из колонии освобожден, - отвечала Оксана.

- За что ж сидел?

- За убийство...

Женька густо покраснел от такой рекомендации и укоризненно покачал головой. Ему начинала не нравиться вся эта авантюра, но удерживало предчувствие обещанного впереди... от чего так сладко кружилась голова и тревожно замирало сердце.

Его позвали к столу, не отличавшемуся впрочем разнообразием блюд. После первой выпитой рюмки естественная скованность прошла, уступая место подкупающему чувству весёлой развязности. Оксана уже не казалась такой странной, а её мать - пожилой и неинтересной. Застолье быстро сближает людей, мгновенно порождая симпатии.

Когда бутылка была допита, а закуска съедена, Оксана лукавым взглядом посмотрела на Женьку и многозначительно кивнула на зал.

- Что, Витя, ты, наверно, устал с дороги? Пойдём, я тебе постелю.

Женька уже не удивлялся ничему. Под влиянием выпитой водки обыкновенные, свойственные любому порядочному человеку, чувства в нём притупились, а находящиеся глубоко под спудом повседневных житейских условностей инстинкты обострились. Он молча кивнул головой и, провожаемый любопытным, чуть насмешливым взглядом Оксаниной матери, прошёл в зал.

Оксана постелила постель на том же диване, где он перед этим сидел, и быстро начала раздеваться.

Женька сморгнул и не поверил своим глазам, когда Оксана, сбросив под конец лёгкие, прозрачные трусики, белая и длинноногая, быстро юркнула под одеяло.

- Что стоишь? Погаси свет, если стесняешься.

- А как же... - не находя слов после всего случившегося, Женька боязливо кивнул на кухню.

- А она тут, на кровати, будет дрыхнуть. - Оксана небрежно указала на стоящую у противоположной стены кровать. - Давай быстрее раздевайся, чудило! Что за мужики пошли,

помру, бабоньки... Ты что, ни разу не грамотный? Не знаешь, как это делается?..

Желание пересилило в нём все остальные чувства. Женька, то и дело с трепетом оглядываясь в сторону кухни, где гремела посудой хозяйка, сбросил по быстрому одежду, выключил свет и лёг к Оксане...

Глава четвёртая

В группе было тридцать шесть человек. Правда, вначале, как рассказывали Мишка со Славиком, насчитывалось значительно больше. Но потом постепенно кого отсеяли за плохое поведение, кто ушёл сам, и вскоре мастеру пришлось снова обращаться в девятые классы. С началом занятий в школах, ребята шли плохо. Анатолию Васильевичу с трудом удалось отыскать троих. Последним пришёл Женька.

В станице директор школы, отдавая ему документы, искренне посоветовал: «Не получится с ГПТУ, Матвеев, возвращайся обратно, возьмём с удовольствием. Подумай, Евгений». Директор преподавал у них историю, а Женька очень любил этот предмет, и всегда получал по нему пятёрки. Особенно ему нравилась история донского казачества. Помимо школьных учебников он зачитывался художественной литературой. Ещё в седьмом классе «проглотил» как-то за неделю пухлый трёхтомник Шишкова «Емельян Пугачёв». Через год прочитал «Тихий Дон» Шолохова.

Его порой удивляло то, что в школьных учебниках о казаках упоминалось только в прошедшем времени, как о прекратившем своё существование после Октябрьской революции военно-феодалном сословии. В жизни было совсем не так. В станице любой пацан с пелёнок знал, что родился казаком. На свадьбах старики пели старые казачьи песни, кое у кого сохранилась казачья форма и царские георгиевские кресты. Почти в каждом доме на стенах висели фотографии, забранные в рамку под стеклом, на которых неизвестный дореволюционный фотограф запечатлел героев-донцов при полном параде: на конях, с винтовками за плечами и шашками наголо.

Имелись такие фотографии и в Женькиной семье. На большинстве из них был дед – участник трёх войн: японской, первой мировой и гражданской. В доме тайно хранилась дедова шапка, а где-то

на полатах, под толстым слоем шелухи от погрызенных мышами семечек, по словам отца, была припрятана и винтовка.

Подвыпив, отец с гордостью говорил, что дед в гражданскую войну служил у Краснова и рубал красных, как Гришка Мелехов. В коллективизацию, не без основания опасаясь, как бы ему не припомнили службу у белых, дед первым записался в колхоз. Зимой, по непрочному ещё льду реки, погнал сдавать в колхоз быков и лошадей, провалился в полынью, еле выбрался, утопив лошадей с санями. После этого тяжело заболел, слёг и вскоре умер.

С грустью расставался Женька с родной станицей. Но Ростов притягивал профессией и перспективой самостоятельной жизни. Хотелось иметь собственные деньги, а не выпрашивать всякий раз у скуповатой матери.

Хотя стипендии в ГПТУ, куда поступил Женька, учащимся не полагалось – вместо этого они обеспечивались трёхразовым питанием и обмундированием, – деньги можно было заработать во время практики, но только тридцать три процента от заработанной суммы. Практика должна была наступить после новогодних каникул.

Женька начал усердно догонять группу. Поселился он вместе с Мишкой, Славиком и Поповым. Жившего здесь перед этим гагауза Аркашу, как и обещал Мишка, переселили в другую комнату.

– Мы с этими «плугами» не цацкаемся, – заверил земляка Мишка.
– А с Бучей ты, Жека, обязательно помирись. Вот увидишь, он чувак классный!

– Ладно, не приставай, – рассеянно отмахнулся Женька. Сейчас его больше донимали мысли о своей новой знакомой, у которой он провёл предыдущую ночь. Друзьям он ничего не сказал о своих похождениях. Соврал, что ночевал у дальних родственников.

Женька много раз после этого собирался снова поехать к Оксане, но при одном воспоминании о её матери, которая, несомненно, всё видела, всякое желание пропадало. К тому же нужно было усердно заниматься, чтобы наверстать упущенное время.

Учиться ему нравилось. Нравилось надевать по утрам новенькое, недавно выданное на складе обмундирование. Нравилось ходить в столовую, а по вечерам, после занятий в училище, спешить с друзьями в школу рабочей молодёжи.

Поскрипывал под ногами свежавывающий снег. Освещающая дорогу

фарами, проплывали машины. По вечернему подмораживало. Женька уже неделю учился в ГПТУ. В вечернюю школу положено было ходить три раза в неделю: в понедельник, в среду и в пятницу. Женька не пропускал ни одного занятия, хотя многие считали вечернюю школу по сравнению с основной учёбой в «бурсе» необязательной. В классе обычно присутствовало восемь – десять, от силы пятнадцать человек, хотя по списку числилось семьдесят.

Многие, живущие, как и Женька в общежитии, попросту боялись выходить на улицу вечером, после захода солнца. Город кишел хулиганьём. Каждый день избивали то одного, то другого «бурсака». В основном, били приезжих из деревень или рабочих посёлков. Казаков пока не трогали. Уважали, что ли...

Несмотря на это, Женька всегда выходил вечером из общежития, сжимая в кармане перочинный ножик. Купил себе нож и Славик, а Мишка где-то раздобыл «самопальную», с наборной рукояткой, финку.

Сегодня у подъезда общежития кучковалась особенно густая толпа местных ребят, среди которых мелькали и серые пальто «бурсаков». К какому-то парню пристало несколько хулиганистого вида пацанов, настойчиво требуя у него денег. Парень, чувствуя, что дело добром не кончится, униженно просил пощады.

– Да врежь ты этому «плугу», Соломон! Дай по сопатке, – слышался выкрик из толпы хулиганов.

Женька, резко обернувшись на голос, узнал в говорившем Бучу.

– Не оглядывайся, – посоветовал Женьке Славик.

Мишка немного отстал, здороваясь позади с кем-то и что-то скороговоркой отвечая.

– А ведь можно и получить!.. – отметил вслух Женька, до сих пор не помирившийся с Бучей, и потому так болезненно переживавший каждую встречу с ним и с компанией его дружков.

– Плёвое дело, – согласился с ним робкий Славик.

Женька понимал, что в случае чего, от Славика будет мало проку, а тем более от хамелеона-Мишки, и старался зря на неприятности не нарываться.

Мишка догнал приятелей у остановки. Сообщил, хвастаясь своей осведомлённостью:

- Аркашу поколотили. Обещали в школу заглянуть. Ты берегись, Женька!

- Ладно, поглядим, - отмахнулся тот, однако настроение у него испортилось.

Дождаясь автобуса, Славик принялся рассказывать длинный и путаный анекдот, из которого никто ничего не понял. Заметно было, что он трусит идти в вечернюю школу, куда могли нагрянуть местные хулиганы. Мишка храбрился, то и дело похлопывая себя по карману. Там у него что-то лежало: большое и, по-видимому, тяжелое.

- У меня оружие, пацаны, получше любого кастета. В мастерской стырил.

- А ну покажи, что такое, - заинтересовался Славик.

Мишка охотно вынул из кармана форсунку с дизельного двигателя и, повертев её перед носом приятелей, снова спрятал.

- Ты бы ещё коленчатый вал притащил, - пошутил Женька.

Мишка обиделся.

Из-за поворота, наконец-то, показался автобус. Мишка первый, держа руки в карманах расстёгнутого «бурсацкого» пальто, лениво поднялся в салон. Всем своим приклатнённым видом он как бы говорил, что плюёт здесь на всех и ему совершенно всё нипочём. Славик подмигнул Женьке.

- Под блатного канает!

Услышав, Мишка недовольно скривился и, глубже засунув руки в карманы, особенно правую, отчего стала выглядывать припасённая форсунка, отвернулся к окну. Двое пацанов-первоклассников, стоявших возле него, так и впились взглядами в его правый карман. При этом они восторженно перешёптывались и подталкивали друг друга к Мишке.

- А ну, мелюзга!.. - сердито прищипнул на них Калашников.

Подошла полная пожилая кондукторша, и Мишка полез за деньгами.

- Дяденька, покажи пистолет! - раздался в этот момент робкий шепот одного из первоклассников.

Мишка машинально лапнул рукой чуть не вывалившуюся из кармана пальто форсунку. Кондукторша отпрянула и в ужасе, во все глаза посмотрела на Мишку. Женька со Славиком рассмеялись.

- Возьмите за проезд, - проговорил раздосадованный глупой просьбой первоклассника Мишка, но его рука с деньгами зависла в воздухе.

Толстая кондукторша, прижимая к могучему торсу кожаную сумку с деньгами и опасливо косясь на Мишку, засемила к кабине водителя.

- Дяденька, ну покажи пистолет, что тебе стоит! - продолжал жалобно канючить пацан-первоклассник.

Забеспокоились сидевшие вблизи пассажиры. Назревало забавное приключение. Женька решил подлить масла в огонь и, понизив голос, но достаточно громко, зашептал на ухо Славику:

- Сегодня грабанём ювелирный магазин, а завтра будем брать банк. Встреча ровно в полночь у водокачки. Иметь при себе сухари и зубную пасту.

- На случай провала? - спросил принявший шутку Славик.

Слышавшие всё это пассажиры насторожились. Мишка, не выдержав, расхохотался и хлопнул по плечу Женьку.

- Замолчи, повяжут нас из-за твоей трепотни, ей богу!

Не доезжая одной остановки до места, друзья выскочили из автобуса.

- Здорово ты эту медузу напугал, Мишка! - смеялся Славик.

Мишка, схватившись за живот, покатывался от хохота:

- Сдохну, чуваки!.. Дяденька, покажи пистолет... Форсунка - пистолет!

- Опаздываем! - прервал их поглядывавший на часы Женька.

Друзья прибавили шаг. Мишка только недовольно отметил:

- В вечернюю школу можно бы и не спешить. Вон все ребята ходят абы как. Кто придёт, а кто сачканёт. Не велика важность эта вечерняя школа.

- Ну и оставался бы в общаге, - огрызнулся молчаливый по натуре Славик. В присутствии Женьки он всегда принимал его сторону.

Женька спешил в школу по особой причине. Он не говорил об этом друзьям, но они и сами, наверное, испытывали порой подобное чувство. Дело в том, что в вечерней школе работала молоденькая учительница английского языка Елена Сергеевна. Она была так стройна и хороша собой, что пожилые преподаватели-мужчины робели в её присутствии, как мальчишки. Учащиеся старшекласники все поголовно были в

неё влюблены, а младшие на уроках, нагнувшись, разглядывали из-под парты её стройные ноги или подкладывали под её стол зеркало.

Влюбился в Елену Сергеевну и Женька. Конечно, он не распространялся насчет своих чувств. В ребячьей компании на перекурах он точно так же похабно злословил в её адрес, отпускал по поводу её красивой фигуры циничные шуточки, но в тайне желал её и трепетал при одной мысли об этом...

Урок Елены Сергеевны был первым, и потому Женька поторапливал своих приятелей. На первый урок они всё-таки опоздали. Мишка, встретив в фойе мальчишку из их группы, направился перекуривать в туалет, пообещав прийти на второй урок. Женька со Славиком, спросив у Елены Сергеевны разрешение, проскользнули в классную комнату.

Елена Сергеевна читала английский текст. За партами несколько человек слушали. Другие спали, положив голову на руки, третьи вообще занимались всякими посторонними делами. Белобрысый Витька Попов готовил на завтра спецтехнологию.

Женька со Славиком, устроившись на последней парте, за спиной Попова, достали из-за брючных ремней общие тетради. Была у «бурсаков» такая мода: чтобы не таскаться с портфелем, они закладывали тетради за брючный ремень, под пиджак, и ходили так на занятия. В одной тетради они вели по несколько предметов сразу. А Славик вообще как-то ухитрялся иметь всего две тетради: одну для ГПТУ, другую для вечерней школы, да ещё на письма вырывал из них постоянно листы.

Елена Сергеевна монотонно читала английский текст, не обращая особого внимания, слушает её класс или нет. Она стояла, как манекен в витрине магазина, с книгой в полусогнутой руке и притопывала в такт чтению затянутой в чёрный капрон ножкой. Женька не отрывал жадного взгляда от её соблазнительных ног. Под джинсовой юбкой у Елены Сергеевны угадывалось тугое бедро. Чуть полноватый живот, немного портивший талию, притягивал взгляд трогательной округлостью формы. Всё в Елене Сергеевне нравилось Женьке. Он с сожалением вздыхал и с ненавистью поглядывал на голубой циферблат своих часов. Большая стрелка неумолимо отсчитывала последние десять минут урока. Через десять минут прозвонит звонок. Елена Сергеевна сложит свои книги, скажет по-английски: «Гуд бай!» и уйдёт. И вместе с её уходом у Женьки пропадёт всякий интерес к дальнейшим занятиям в вечерней школе. Он ещё высидит один, от силы два урока и побредёт с друзьями назад в общежитие, дожидаться

следующего дня занятий.

Женька, на что-то вдруг решившись, раскрыл тетрадь и торопливо написал такую записку:

«Елена Сергеевна, подождите меня, пожалуйста, на остановке, мне с вами срочно нужно поговорить по очень важному делу.

Неизвестный».

Вырвав листок из тетради, Женька сунул его Славику, и спросил:

- Славка, передай это, пожалуйста, учительнице. Как только прозвенит звонок, ты её сразу и отдай, хорошо?

- А сам? – запротестовал как всегда Славик. – Что я? Всё время я... Сам и передавай, если тебе нужно.

- А ещё друг называется!.. – надулся Женька. – Его как человека просят, а он...

- Ладно, давай, – уступил Славик, не умевший долго сопротивляться.

Как только прозвенел звонок, он всё исполнил, как его просил Женька. Учительница приняла из его рук записку, загадочно улыбнулась и, не читая, удалилась из класса.

Женька готов был провалиться от стыда сквозь землю. Он уже горячо раскаивался в содеянном, но отступить было некуда, лед, как говорится, тронулся... Ничего не сказав появившемуся в классе Мишке, Женька подхватил свою тетрадку и поспешно выбежал на улицу. Елены Сергеевны ещё не было, и он решил подождать её за углом школы. На автобусной остановке в этот поздний час ещё чего доброго могли оказаться местные хулиганы.

Женька закурил и принялся лихорадочно обдумывать свою предстоящую речь, с которой он собирался обратиться к учительнице. Решение в его разгорячённой голове созрело почти мгновенно. Ну, конечно же, он предложит Елене Сергеевне выйти за него замуж. Ведь он, как казалось Женьке, по-настоящему любит эту молодую женщину, и, если только она в свою очередь полюбит его, Женьку – счастье и всякие радости им двоим обеспечены. Он увезёт свою подругу в станицу. Родители, конечно же, примут её как родную. В станице тоже есть школа. Елена Сергеевна будет учить там детей, а он, Женька, работать в колхозе на тракторе (к тому времени он успеет окончить училище) и приносить жене в положенный день зарплату, а не пропивать её под магазином, как отец Юрки Гапонова.

Размышляя так, Женька чуть не прозевал появление Елены Сергеевны и опомнился, когда она была уже совсем близко. Парень несмело шагнул ей навстречу и еле слышно пролепетал:

- Здравствуйте, Елена Сергеевна. Вы извините, это я написал вам записку.

- Ты, Матвеев?! - изумилась учительница. - Н-ну... и что же у тебя за горе? Давай, жалуйся!

Елена Сергеевна явно не принимала всерьёз Женькиного ухаживания. И тогда он бухнул напрямик, - как в холодную воду бросился:

- Я вас люблю, Елена Сергеевна!

- Вот как! - продолжая улыбаться, отвечала Елена Сергеевна.

- Ну и сколь глубоко это твоё чувство, Матвеев? На край света ты за мной поедешь? Или, может, для начала залезешь на телевизионную башню?

«Смеётся!» - с горечью понял Женька, и в душе его закипела обида.

- Ах, вы так?.. Ну, так вот, получайте!

Парень вдруг решительно обнял растерявшуюся женщину и крепко поцеловал в губы. Елена Сергеевна ахнула от неожиданности и чуть не села в сугроб, благо её поддержал Женька. Сам он испугался не меньше учительницы.

Елена Сергеевна, отстранившись от него, наконец-то обрела дар речи:

- Однако, ты нахал, Матвеев! Целоваться вздумал. Я ведь давно вышла из школьного возраста.

- А сколько вам лет? - спросил, набравшись храбрости, Женька.

- У женщин подобные вещи не спрашивают. Запомни, Матвеев!

- наставительно проговорила Елена Сергеевна.

- Лет двадцать пять? - не унимался пришедший уже в себя парень. - Подумаешь, возраст! Вон моя мать на целых пять лет старше папаши и ничего, живут.

- Уж не думаешь ли ты, Матвеев, брать меня в жены? - засмеялась Елена Сергеевна. - Я ведь готовить ничего не умею. Только одну картошку.

- А это ничего, это дело поправимое, - убедительно заговорил Женька. - Книжки по кулинарии можно почитать, да и старики подскажут... Выходите за меня замуж, Елена Сергеевна!

- Подумать-то хоть можно? До понедельника? Идёт? - с серьёзным видом спрашивала у него учительница.
- Идёт. Только глядите, в понедельник чтобы всё было решено!
- Обязательно, Матвеев.
- А в свадебное путешествие поедем, Елена Сергеевна?
- Конечно поедем, Матвеев. Только вот куда?
- Конечно в Крым, куда же ещё, Елена Сергеевна!
- Нет, лучше на Алтай, Матвеев. В Крыму я была этим летом.
- На Алтай, так на Алтай, Елена Сергеевна. Только чтоб без обмана!
- Ну что ты, Матвеев, разве похожа я на обманщицу?

Глава пятая

На следующий день о предполагаемой свадьбе знало уже всё общежитие. Постарался здесь, видимо, несдержанный на язык Мишка. Женька на все расспросы пацанов только неопределённо пожимал плечами и отнекивался. За полдня слухи возросли до гигантских размеров, и к обеду Женьке уже то ли в шутку, то ли всерьёз советовали отказаться от свадьбы и лучше платить алименты, если не удастся сделать аборт.

Неизвестно, что было бы ещё придумано к вечеру, если бы Мишка не сагитировал друзей пойти в кино, благо день был субботний. Всю дорогу Мишка как-то загадочно улыбался и подшучивал над приятелями. Он был в необычном ударе, как будто выиграл в лотерею.

- Ты что, Мишка, сияешь? Деньги, что ли, нашёл? - покосился на него Женька.

- Да так, ничего, - отмахнулся Калашников. На самом деле Мишка готовил друзьям сюрприз.

Когда приблизились к кинотеатру, стройная, среднего роста, девушка в красной вязаной шапочке и зелёном пальто, с большими карими выразительными глазами, радостно поспешила навстречу Мишке.

- Оксана? - Женька удивлённо уставился на девчонку.

- А, Витя, привет! - та сразу замедлила шаг, узнав Женьку. - Давненько не виделись. Что не заходил?

В её задорных глазах мелькнули искорки смеха.

- Вы что, знакомы? - с ноткой разочарования в голосе, спросил у своей подруги Мишка.

- Да, мы с Витей большие старинные друзья, - весело встряхнула головой Оксана. - Не правда ли, Витя?

- Я не Витя, я Женька, - угрюмо поправил её парень.

- Вот не знала. Сколько лет всё Витя, да Витя и вдруг на тебе - он Женька! - беззаботно рассмеялась Оксана и шутя потрепала его по щеке. - Ты поедешь сегодня с нами, Женька? Как в тот раз, помнишь?..

- Нет уж, уволь! - Женька отрицательно качнул головой.

- А жаль. Так весело в тот раз было!.. Мама до сих пор вспоминает...

- Было бы что вспоминать.

- Ну что, ребята, я пошёл за билетами? - прервал их, непонятный для непосвящённых, диалог Мишка.

- Я не пойду, на меня не бери, - решительно отказался Женька.

- Что ты, Витя?.. Такой хороший фильм, - укоризненно взглянула на него Оксана.

- Нет, идите сами, мне что-то расхотелось, - стоял на своём парень.

- Раз так, то и я не пойду, - подал голос молчавший до этого Славик.

- Ну, как знаете. - Мишка ушёл за билетами.

- Обиделся? - Оксана изучающе глядела в глаза Женьке.

- Ничего не обиделся. Просто не хочу и всё! Что ты ко мне пристала?

- Ну не обижайся, Витя, - она виновато погладила его по плечу.

- Да с чего ты взяла, что я Витя? - Женька со злостью оттолкнул её руку и, не оглядываясь, решительно зашагал прочь от кинотеатра. Позади еле поспевал за ним Славик.

В общежитие идти не хотелось, и друзья решили побродить по городу. Первым прервал затянувшееся молчание Женька:

- Ты знаешь эту девчонку, что с Мишкой была?

- Конечно знаю. Это Алексеева из нашего училища, из группы штукатуров-маляров. Её у нас почти все ребята знают, - ответил Славик, принаравливаясь к быстрой походке товарища.

- А что такое? Расскажи, - заинтересовался Женька.

- Что рассказывать, гуляющая она! - пояснил Славик. - Сегодня с одним, завтра с другим... Вот теперь с Мишкой гуляет, а недавно ещё Буча с ней лазил. Одно слово - честная давалка! Местные пацаны рассказывали: подпоили её как-то в роще, раздели... а после этого самого... цветочек в переднее место вставили. Вот хохма! Она так и проспала в роще всю ночь... с цветочком.

Женька помрачнел и едва не обругал увлѐкшегося рассказом Славика, но сдержался, чтобы не выдавать своих истинных чувств. Спросил только, не глядя на него, сквозь зубы:

- Она здешняя, Алексеева эта? Ростовская?

- Да, - кивнул головой Славик. - Только живёт в общежитии. Мать у неё пьянствует каждый день, с мужиками ночует. Вот и дочка такая же.

- А ты, Славка, спал когда-нибудь с девчонкой? - поинтересовался Женька, чтобы направить разговор в другое русло.

- Не-е, а ты? - протянул с ноткой испуга и плохо скрытой зависти Славик.

- Приходилось...Ладно, закончим трепню!

Женьке расхотелось распространяться дальше на эту тему. При воспоминании об Оксане болезненно ныло ущемлённое самолюбие.

Друзья проходили по Театральной площади, когда сзади их кто-то громко окликнул. Женька со Славиком оглянулись и узнали в кричавшем старосту своей группы Кольку Соломонова, которого все называли коротко: Соломон. Колька шёл в окружении своих дружков, которых Женька со Славиком не знали, и орал на всю Театральную: «Бурсаки!».

Это означало, что Соломон уже хорошо «вмазал» и попадаться ему на глаза в подобное время - небезопасно. Соломоновы дружки нагло скалили зубы. Все они старательно поддельвались под блатных, и то и дело затягивались папиросками, которые выдавал им Колька. Соломон протянул измятую пачку «Беломора» и Женьке со Славиком. Женька закурил, Славик же от угощения отказался, на что кто-то из Колькиной компании заметил: «Курить, - здоровью вредить! А не курить - вдвойне

вредить!». Говорившего звали Гап. Женька сразу узнал его. Это был парень из их группы.

Соломон предложил Женьке со Славиком идти вместе с ними пить пиво в пивбар «Театральный». Предложение было высказано в форме приказа, не допускающего возражений. Женька понял, что не идти нельзя, что спорить с пьяным Колькой бесполезно, и согласился. К тому же нужно было когда-нибудь ближе познакомиться с местными из их группы. После памятной ссоры с Бучей, которого местные считали за своего, Женькины отношения с ними были натянутыми.

Огромная, гудящая, как пчелиный улей, толпа густо заполняла всё помещение пивбара в театре Максима Горького. Женька вначале даже испугался такого массового скопления народа, но Соломон его приободрил:

– Вперед, Матвей, не понтуйся! Ты со мной, а меня весь Ростов знает.

– Мы короли Нахаловки! – хвастливо, в тон главарю, добавил Гап.

Другие тоже принялись что-то пьяно доказывать Женьке со Славиком, из чего Женька понял, что без потасовки сегодня не обойдётся. Больше всех задирали окружающих Соломон, и его уже два раза вызывали в коридор плечистые, с квадратными физиономиями, парни кавказской внешности. Вслед за Соломоном в коридор неизменно тянулось и несколько его дружков. Потом все они возвращались, с улыбками пили пиво на брудершафт. Потом всё повторялось по новой.

Женька торопливо пил пиво, чтобы скорее захмелеть и подавить в душе страх, постоянно вспыхивавший при особо наглых выходках Соломона. Славик, даже не прикоснувшись к своему пиву, отчаянно жестикулировал, давая понять Женьке, что пора сматывать удочки.

Драку начал Гап, парень из их группы. После очередного Брудершафта с парнями кавказской внешности его вдруг «перемкнуло». Он схватил со стола пивной бокал и ударил им одного из парней. Кавказцы, опрокидывая столы, бросились на Гапа. Соломон с дружками – на кавказцев. Замелькали кулаки и пустые бокалы, обагрились кровью разбитые физиономии. Образовалась невообразимая свалка. Женька еле успел отскочить в сторону, к одной из стоек. Он даже не смог заметить, куда испарился Славик. Кто-то ощутимо наступил на ногу, кто-то ударил под дыхало. Не помня себя от ужаса, Женька выскочил из пивбара на улицу.

Славика нигде не было. Обозлённый на бросившего его друга,

Женька поспешил на автобусную остановку, в надежде отыскать приятеля там. Славика на остановке не было. Мороз к вечеру крепчал, и Женька, дожидаясь автобуса, стал постукивать ботинком о ботинок, но ноги всё равно мёрзли. На остановке к нему привязался пьяный мужик. Он зачем-то протягивал Женьке хвост сухой рыбины и заплетающемся языком декламировал:

- Выпьем за родину, выпьем за Сталина! Выпьем и снова нальём.

Женька, в конце концов, отобрал у пьяного рыбу, сунул её себе в карман, а мужика усадил на скамейку. Тот взобрался на неё с ногами, свернулся калачиком и вскоре захрапел.

Подошёл автобус, но Женька не сел. В голове мелькнула мысль, что пьяный может замёрзнуть. Он был примерно одного возраста с его отцом, пережившим немецкую оккупацию, наверное, хлебнул горя на своём веку, и Женьке стало его жалко.

- Вставай, черт бы тебя побрал! Разлётся как на курорте.

Женька растряс мужика и, стащив с лавки, поставил на ноги.

- Ты где живёшь, чучело? Надо же так нажраться...

- А пошёл ты на... - пьяный матерно выругался и снова завалился на лавку.

Подкатил, искря контактными проводами, троллейбус. Не долго думая, Женька схватил пьяного под мышки и силой затащил в салон.

- Замёрзнешь ведь на улице, дурила!

Пьяный что-то промычал, плюхнулся на свободное место и захрапел. Проехав несколько остановок, троллейбус выбрался, покачиваясь с боку на бок, как старинная испанская каравелла, на площадь Карла Маркса и повернул на право. «Не тот маршрут», - мелькнуло в голове у Женьки. Он поднялся с места и приготовился выходить.

- Эй, парень, куда? - выглянул в салон из кабины молодой водитель троллейбуса. - А дружка своего мне оставляешь? Забирай, нечего тут!.. Пьют до усерачки, а потом...

Женьке ничего не оставалось, как вытаскивать пьяного на улицу. Тот еле держался на ногах.

- Черт, сволочь! Связался на свою голову, - проклинал всё на свете парень. Взвалив пьяного на себя, он чуть ли не волоком дотащил его до ближайшего подъезда, зашёл внутрь и сбросил тяжёлую ношу на ступеньки. «Всё, ухожу!» - решил Женька,

но, уже выбежав из подъезда, подумал, что пьяного может в подъезде обобрать какая-нибудь шпана. «Получил, должно быть, получку, дурак, и пропивает, как отец Юрки Гапонова. А дома, может быть, дети гостинцев ждут...» Женька тяжело вздохнул и вернулся в подъезд.

- Что же мне с тобой делать, алкота несчастная! - Парень в сердцах пнул пьяного ногой. И тут он вспомнил, что где-то в этом районе живёт Оксана. Как не бредова была подобная мысль, но больше делать ничего не оставалось, не в общагу же тащиться с пьяным и не сдавать же его в милицию.

Открыла ему Оксанина мать. Увидев такую картину, всплеснула руками от удивления и испуга.

- Извините, Оксана дома? - спросил, переводя дух, Женька.

Пьяного он прислонил к стене и придерживал одной рукой, чтобы тот не упал.

- Нету её... А что случилось, Виктор? Что с ним? - со страхом метнула взгляд на пьяного мать Оксаны. Она, наверняка, подумала, что он ранен.

- Да вот, выпили чуть-чуть, приятелю плохо стало, слаб на выпивку оказался, а на улице холодно и ментов навалом... - Женька замялся, не зная как бы поделикатнее высказать свою просьбу. - Вы бы не могли... его до утра у себя оставить? А утром он проспится и уйдёт, вы не думайте...

- Хорошо, давай заноси, - согласно кивнула женщина, которой не привыкать, видно, было к таким ситуациям. - Выпить с собой ничего нету?

- Не знаю... может, у него, - неуверенно протянул Женька и на всякий случай похлопал пьяного мужика по карманам. Во внутреннем кармане куртки у него, к великой радости хозяйки, оказалась бутылка вина. Парень передал бутылку Оксаниной матери, уложил пьяного на полу в зале и пришёл на кухню. После пива не мешало пропустить стопку, другую портвейна.

- Спит? - зачем-то спросила женщина.

- Дрыхнет, что ему... как сурок.

Оксанина мать разлила вино по стопкам.

- Ну, за более близкое знакомство! - женщина подняла свою стопку и откровенно, не стесняясь, посмотрела в глаза парню. На слове «близкое» она сделала особое ударение.

Кровь полыхнула в Женькиных жилах от её многообещающего взгляда. Он выпил вино и придвинулся поближе к женщине.

- Поцелуй меня, Виктор! - томно прошептала она, подставляя для поцелуя свои полные, ярко красные, влажные от вина губы...

Глава шестая

На следующий день в воскресенье Женька видел около общежития скакавшего на костылях Соломона. Наверное, во вчерашней драке ему поломали ногу. Всё воскресенье Женька просидел в комнате, изнывая от скуки и читая старый, разорванный журнал без обложки. О вчерашнем он старался не думать, но мысли сами возвращали его в Оксанину квартиру, в жаркие объятия её матери.

Женька вернулся в общежитие лишь под утро и застал в комнате одного Славика. Попов ещё в пятницу уехал к себе в деревню, Мишка, вероятно, был у Оксаны. В голове у Женьки всё перемешалось: жгучую ревность к Оксане не могла заглушить даже физическая близость с её матерью. И в то же время он с нетерпением ожидал завтрашнего дня, когда должна была решиться его судьба: ведь Елене Сергеевне он дал сроку на раздумывание до понедельника.

В понедельник, еле высидев занятия в училище, Женька помчался сломя голову в вечернюю школу. Елена Сергеевна всё время была в учительской, и ему не удалось переговорить с ней до начала уроков. Потом, на перемене, Мишка принёс из магазина бутылочное пиво, и Женьке снова было недосуг. Урок Елены Сергеевны был третьим. Мишка к этому времени достал уже где-то вина и угощал им в туалете Славика. Не отказался от предложенного портвейна и Женька. Его всегда тянуло на вино после пива.

Оказывается, Мишка сделал вчера предложение Оксане и, видимо, получил согласие. Сам он на этот счёт не распространялся, но всё и так было написано на его самодовольной роже. Женька еле сдерживался, чтобы хорошенько не съездить по ней кулаком в припадке бешеной ревности. Ведь Мишка почти из-под самого носа увёл у него Оксану. Оставалась одна надежда: на Елену Сергеевну. Но Женька в душе признавал, как слаба и несостоятельна эта надежда. Тем не менее, он с огромным нетерпением ждал начала третьего урока.

Наконец, третий урок наступил и, как всегда принаряженная, Елена Сергеевна легко впорхнула в классную комнату. В этот раз на ней были импортные вельветовые брюки белого цвета и розовая кофточка. Женьку не интересовало ни то, ни другое. Он густо покраснел от выпитого вина, но не замечал этого, так как зеркала при нём не было. Он то и дело посылал учительнице воздушные поцелуи довольно идиотского характера, так что недоумевающая Елена Сергеевна, в конце концов, решилась спросить:

- Тебе выйти, Матвеев?

На это Женька что-то обиженно промычал себе под нос, но гримасничать прекратил. Он решил, что Елена Сергеевна нарочно не заговаривает первая об их «деле», стесняясь окружающих. И правда, не может же она объясняться с Женькой в любви на виду у всего класса.

Парень добросовестно высидел до конца занятий, так как у Елены Сергеевны в этот день был ещё один урок в старших классах, и принялся её ждать на своём обычном месте, за углом школы, отправив Мишку со Славиком в общежитие. Неподалёку от Женьки остановились синие «Жигули», из которых, хлопнув дверцей, вышел высокий, модно одетый парень намного старше Женьки. Он взглянул на часы и, приминя снег, начал топтаться возле машины. Тоже, наверное, кого-нибудь ждал.

Женька с завистью оглядел его джинсы, новенькую, поскрипывающую на морозе дублёнку, цыганский мохеровый шарф и ондатровую шапку. Будь у него такие дорогие вещи, Елена Сергеевна, наверняка, вышла бы за него замуж.

Когда на пороге школы наконец-то показалась учительница, Женька с радостью поспешил к ней навстречу. Елена Сергеевна тоже рванулась вперед, но, увы, - не к нему. Даже не взглянув на Матвеева, она подбежала к высокому парню в дубленке, и тот нежно заключил её в свои объятия.

- Здравствуй, Леночка!

- Здравствуй, Вадик!.. Долго ждёшь?

- Только подъехал.

Вадик взял из рук Елены Сергеевны сумочку и радостно повёл её к своим «Жигулям». Хлопнули дверцы, по-звериному взревел мотор, и они уехали, оставив Женьку одного на полутёмной, заснеженной улице.

Опечаленный Женька пошел, куда глаза глядят, размышляя по пути о несовершенном устройстве мира. То, что Елена Сергеевна

с Вадиком были сейчас счастливы, являлось неоспоримым фактом. Но почему же счастье одних оборачивается для других несчастьем? Почему не могут быть счастливы все? И не следует ли из этого, что счастье, построенное на несчастье других – самая величайшая несправедливость? Эгоизм, вроде эгоизма двух сытых, обжирющихся яствами в толпе умирающих от голода?

Женька до того увлёкся своими размышлениями, что плохо запомнил случившееся в следующий момент. Какая-то шумная, подгулявшая компания парней, высыпавшая из подъезда трёхэтажного дома, угрожающе перегородила ему дорогу. У него что-то спросили, принялись за что-то бить. За что, Женька даже не понял. Возможно, что вины за ним вообще никакой не было. Просто ребятам захотелось почесать кулаки.

В свалке Женька потерял шапку и общую тетрадь. Затем он долго бежал по заснеженному переулку, чувствуя за спиной топот погони. Женька ушёл, проклиная в душе всю эту историю с приездом в Ростов, невезучий день, а особенно Елену Сергеевну, которая казалась ему теперь символом всех его невезений. К тому же сильно болела голова, зашибленная в потасовке. Чтобы не отморозить уши и не застудить голову, Женька намотал на неё в виде чалмы свой шарф. Теперь ему не доставало только встречи с милицией, а что первую же милиционерскую машину привлечёт человек с намотанным на голове шарфом, было несомненно.

Опасаясь милиции, Женька шёл глухими переулками, и до общежития добрался только в первом часу ночи. Тут возникла новая проблема: дверь была уже давно заперта, а вахтёршу нельзя было разбудить и пушечным выстрелом. Да и не пускали никого в общежитие после двенадцати. Можно было бы, конечно, воспользоваться окнами первого этажа, но их недавно забрали толстыми металлическими решетками.

Мороз между тем всё больше давал о себе знать. Не попадая зуб на зуб от холода, весь синий, Женька решился на отчаянный шаг и полез по водосточной трубе на второй этаж. Так, по рассказам Мишки со Славиком, всегда поступали местные ребята, когда хотели нелегально попасть на второй этаж, который занимали девочки.

Глава седьмая

Чуть не сорвавшись с обледеневшей трубы, Женька добрался всё-таки до ближайшего окна и отчаянно затарабанил в покрытое причудливыми узорами, замёрзшее стекло. Он был готов разреветься от страха и отчаяния. Вниз невозможно было посмотреть, казалось, там развёрзлась бездна.

Когда стуки достигли своего апогея, в комнате зашевелились. Вначале там кто-то вскрикнул, испугавшись маячившего за окном человека. Вскоре зажглась настольная лампа, к окну приблизилась фигура девушки. Девушка, по-видимому, уже привыкла к подобным ночным визитёрам. Смело распахнув окно, она, прищурив спросонья глаза, скомандовала:

- А ну, живее залазь в комнату, полуночник! Как вы мне все уже надоели... Живее, ну!

Женька оторопел, и чуть не соскользнул с подоконника, узнав свою знакомую, Оксану. Та ловко поддержала его за руку, испугавшись не меньше парня.

- Убьешься, ты что?! Жених называется...

Женька, поднатужившись, тяжело перевалился через подоконник в комнату. Смахнув со лба холодный пот, поздоровался:

- Здравствуй, Оксана! Не узнаёшь?

Сорвал с головы чалму из шарфа и встряхнул мокрыми от пота волосами.

- Ты?! Ну, чудило! - обрадовалась, узнав Женьку, Оксана. - Где тебя носит по ночам? На блядки, небось, ходил, хахаль!

- Со шпаной дрался, - доверительно признался парень. - Шапку, сволочи, сняли... А ты что тут делаешь?

- Как что - живу, - улыбнулась Оксана.

- Ты, кажется, не здесь раньше жила.

- А я везде живу, я же говорила.

Одета она была в короткий, простенький халат, поминутно распахивающийся на груди, отчего становилось видно её бюстгальтер. Женька, не отрывая от неё глаз, плюхнулся на кровать, расслабившись в приятной теплоте комнаты.

- Ты одна здесь?

- Как видишь. - Оксана поймала его заинтересованный взгляд и, все поняв, лукаво улыбнулась.

- Что, Витя, смотришь? Лифчика бабского никогда не видел? Смотри!

С этими словами быстро распахнула халат, отбросила его на стул и осталась в одном нижнем кружевном белье. Женька смутился, но глаза не отвёл.

- Что, Витя, красивая я? Лучше Елены Сергеевны? - Оксана засмеялась и крутнулась на одной ноге.

- Ты и про это знаешь?

- А я всё-всё про тебя знаю, миленький! - Оксана вдруг села к нему на колени и по-кошачьи преданно заглянула в глаза.

- Любишь меня, Витя?

- Не Витя я, сколько раз повторять, Женькой меня зовут!

Парень помертвел от такой близости, и еле справлялся с охватившим его враз желанием.

- А мне нравится Витя, - капризно нахмурила брови Оксана. - Так любишь или нет?

- Люблю, Оксана! - еле выдавил из себя Женька.

- А спать сегодня со мной хочешь?

- А как же... Мишка?

- Что Мишка? Видала я его в одном месте, Мишку твоего! Купил он меня, что ли?

- Но ты же замуж за него выходишь?

- Ну и что? Запретит он мне с тобой спать?

- Я не знаю, Оксана... Он мне друг всё-таки, - Женька терялся, не зная, что делать.

- Да ты мужчина или тряпка? - вскрикнула вдруг в негодовании Оксана. - Нравлюсь я тебе, так отбей, что тебе какой-то Мишка?

- Оксана!.. - Женька, не в силах больше испытывать эту пытку, увлёк её на кровать и, лихорадочно раздевшись, лёг рядом...

Через несколько минут, когда их поцелуи стали наиболее горячими, а ласки наиболее бурными, в комнату вдруг постучали.

- Кто там? - крикнула с кровати Оксана.

- Это я, Оксана, открой, - послышался за дверью приглушённый голос Мишки Калашникова.

Женька похолодел и отстранился от девушки.

- Что тебе надо, Миша? - вновь спросила она.

-Открой, Оксана, что спрашиваешь!..

- Он не уйдёт, - горячо шепнула та Женьке.

- Подожди, я оденусь.

Женька осторожно, стараясь не греметь кроватью, соскочил на цыпочках на пол, начал так же лихорадочно, как и раздевался натягивать на себя одежду. Оксана, накинув на себя только халатик и застегнув его на верхнюю пуговицу, пошла открывать.

- Оксанка, что так долго? - заключил её в объятия стоявший на пороге Мишка. Со свету он ещё не разглядел в комнате Женьку.

Оксана щёлкнула выключателем, и Мишка оторопел.

- Это что же, первая смена? - Мишка недоумённо взглянул на «невесту».

- Нет, мы тут анекдоты в темноте рассказываем. Похабные! - с вызовом встретила его взгляд Оксана.

- А почему ж в темноте?

- А что б не так стыдно было.

Не знающий, куда деть глаза от неловкости, Женька попытался выйти из комнаты.

- Я, короче, пошёл, поздно уже. Анекдоты, анекдотами...

- Нет, погоди! - Мишка резко схватил товарища за грудки.

- Так, Миша, молодец! Ценю настоящих мужчин, - криво ухмыльнулась Оксана. - Потом мне можешь надавать... Только ничего между нами не было, и эта дикая сцена ревности ни к чему.

Женьке не хотелось сейчас драться, к тому же он чувствовал себя виноватым перед товарищем, и потому - только отдернул его руки.

- Без рук, Миша, не надо!

- Сука, «плуг»! Я Буче скажу, он из тебя отбивную сделает! - задыхаясь от ненависти, истерически завизжал Мишка, и на всякий случай отступил поближе к двери.

Женька понимал, что отныне дружбе их пришёл конец, но всё равно бить Мишку не хотелось, и он лишь устало, махнул рукой.

- Кончай базар, я ухожу, ну вас к черту!

Мишка его не удерживал. Но как только он вышел в коридор, позади в комнате раздался звонкий удар и слабый вскрик

Оксаны. Женька обернулся, с силой рванул дверь и снова очутился в комнате. Оксана, закрыв лицо руками, сквозь пальцы которых сочилась кровь, всхлипывая, сидела на кровати.

- Гад, что ты делаешь?! - не владея собой, Женька со всей силы припечатал Мишку по скуле, так что у того звонко лязгнули зубы. Мишка отлетел к стене и ударился спиной о тумбочку.

- Не бей его, негодяй! - вскрикнула вдруг в испуге Оксана и, сама залитая кровью, стала между Женькой и Мишкой. - Уходи сейчас же отсюда. Негодяй, подонок!..

У Женьки помутилось в глазах от её крика. Ничего не понимая, злой, пристыженный, сбитый в конец с толку, он выскочил из комнаты и хлопнул в сердцах дверь.

Ночь он проспал, как на иголках, а утром, ничего не объясняя Славику, сходил к коменданту, потом собрал вещи и переселился в другую комнату.

Глава восьмая

После злополучной истории с Еленой Сергеевной Женька долго не показывался в вечерней школе. Ему было стыдно взглянуть ей в глаза. Парень теперь сам удивлялся своей наивности. С Мишкой он не разговаривал, да и не сильно жалел об этом. Их разрыв назревал давно, ещё в станице, и конфликт из-за Оксаны послужил только поводом.

Между тем приближались зимние каникулы. После них должна была наступить долгожданная практика. ГПТУ, в котором учился Женька с приятелями, готовило специалистов для крупного машиностроительного завода, выпускающего хлебоуборочные комбайны. Завод находился здесь же, рядом с училищем, за высокой кирпичной стеной, через которую однако можно было легко перелезть, подставив пару пустых ящиков. «Бурсаки» лазили туда, когда им нужно было прогулять занятия или украсть красной «комбайновой» краски, которую с удовольствием покупали для окраски полов местные сельмашевские жители. С обратной стороны так же перелезали рабочие. Они шли в гастроном и проносили на завод водку. Особенно часто подобные вылазки практиковались в дни авансов и получек. Когда рабочим по каким-либо причинам нельзя было отлучаться, они посылали за водкой «бурсаков», которых было всегда полно на заводе.

Нравы здесь царили самые дикие. Ребята-старшекурсники, уже побывавшие на практике, рассказывали младшим такие страшные вещи, что у тех волосы поднимались дыбом и долго не могли улечься на место. Рассказывали, что завод полон бандитов и уголовников, которых здесь называют «химиками». Что «химики» будто бы в третьей смене режут ножами мужчин и насилуют женщин. Наряду с уголовниками, имеется масса кавказцев и жителей Средней Азии. Среднеазиаты будто бы приезжают зарабатывать калым, который им нужно уплатить за невесту – иначе не женишься, а кавказцы, наоборот – портить русских девок и покупать дипломы о высшем образовании, которые здесь в три раза дешевле, чем в Армении или в Азербайджане. Приходящих в цехи на практику «бурсаков» будто бы посылают с пустым ведром на склад «за трансмиссией», заставляют искать под ногами «искру», которая будто бы «ушла в землю» или дают потрогать языком магнето, которое почему-то ни с того, ни с сего бьёт током. На заводе будто бы все воруют, кому не лень: простые рабочие тащат сумками, начальники цехов – вывозят машинами. Охрана по ночам или спит, или бодрствует, в надежде получить свою мзду. Комбайны на отстойных площадках никто не охраняет, за неимением места их ставят даже на улице, где их курочат, разворовывают ящики с упаковкой, снимают фары и лампочки.

Неизвестно, правда или нет, но рассказывали, что женщины, за прогульные дни будто бы расплачиваются «натурой», начальники цехов берут взятки за предоставленные вне очереди «гостинки», а директор завода отгрохал на самом видном месте, возле Дворца культуры, шикарную гостиницу для встречи высокопоставленных гостей из центра, которая больше смахивает на «дот», чем на человеческое пристанище.

Некоторые «бурсаки»-первокурсники, наслушавшись таких рассказов, поспешили забрать документы и покинуть стены училища. Как в армии Ганнибала перед его переходом через Альпы, в группах ГПТУ перед зимней практикой оставались самые сильные и боеспособные. Все слабые и робкие отсеивались. Способствовали этому отчасти и руководители некоторых групп, походивших на настоящих тиранов древности. Среди «бурсаков» они насаждали культ насилия и палочную дисциплину.

К подобной категории преподавателей принадлежал и руководитель группы, в которой учился Женька, Анатолий Васильевич Корольков. Ребята звали его сокращенно Толя-Вася. Корольков сделал ставку на местных, которые пользовались в группе большим влиянием. Так ему было легче поддерживать дисциплину среди учащихся. Назначив старостой Кольку

Соломонова, который верховодил всей шпаной, Корольков тем самым отдал группу во власть отъявленного хулиганья. Он сквозь пальцы смотрел на процветавшие в группе мордобой и издевательства над приезжими и негласно сам поощрял такой способ воздействия на нерадивых.

- Соломонов, - говорил иной раз на уроке Анатолий Васильевич, - Костенко до сих пор из Песчанокопской нет. Отпрашивался на два дня, а уже неделя. Ты уж поговори с ним, как вернётся... Только предупреждаю, Николай, без рукоприкладства! Боже упаси.

- Да что вы, Анатолий Васильевич, я «плугов» и пальцем не трогаю! - уверял мастера Соломон. - Не верите, спросите у них сами...

Колька оглядывался на группу и спрашивал первого попавшегося на глаза «бурсака»:

- Шнобель, ну-ка скажи Анатолию Васильевичу, бил я тебя хоть когда-нибудь?

- Нет, не бил, - отрицательно качал головой земляк Костенко Нефёдов, которого местные за большой нос окрестили «Шнобелем», и которого не далее как вчера избил Соломон в вечерней школе за то, что у него не оказалось папирос, срочно понадобившихся Кольке для «косяка».

Первым дружкой и помощником Кольки Соломонова был Волков, прозванный в группе Волчарой. Это был худой, чахоточного вида тип, не отличавшийся особой физической силой, но злой и нахальный. Женька давно уже заметил, что чем не слабее хулиган, тем он задиристее и злее. Хотя это было совсем не новое открытие. Подобный тип людей высмеял в своей знаменитой басне «Слон и Моська» ещё великий Крылов.

Если Кольку Соломонова боялись в гневе и в сильном подпитии, то Волчара вселял ужас в сердца неместных «бурсаков» одним своим видом. Даже Женька не на шутку побаивался Волкова.

В начале учебного года был в группе, по рассказам, ещё один форменный «злодей», терроризировавший приезжих ребят похлеще, чем Соломон с Волковым, но его ещё до Женькиного приезда посадили в тюрьму за кражу.

Из числа местной привилегированной шпаны был и комсорг группы Кобелев, по которому тоже, как думал Женька, давно скучала колония. Остальные местные не столь выделялись из общей массы. Разве что Гап, которого Женька запомнил по той памятной драке в пивбаре театра Максима Горького. Вокруг

местных увивалось несколько холуев, вроде Бучи и Мишки Калашникова, но этих уже почти не боялись и порой даже в глаза называли «шестёрками».

После ссоры с Мишкой Женька ещё немного пожил в общежитии, перейдя в другую комнату, а потом перебрался на квартиру. Здесь было намного спокойнее. Он и совсем бы уехал домой – с учёбой в ГПТУ явно ничего не получалось, если бы не Оксана. Как это ни странно, Женька продолжал связывать с ней тайные надежды. О Елене Сергеевне же постарался забыть, вычеркнул её из своей жизни.

Квартировал он у дряхлой семидесятилетней старухи во флигеле, который раньше, вероятно, служил курятником или свинарником – до того был мал и грязен. Несмотря на преклонный возраст, старуха была, что называется «шухерная»: водку глушила наравне с мужиками и ругалась матом, как сапожник. Звали её Егоровна.

Женька как-то переговорил с хозяйкой, и вскоре к нему во флигель переселился и Славик. Мишка остался один в общежитии. За неделю до зимних каникул он расписался в загсе с Оксаной и после Нового года намеревался ехать с молодой женой в станицу, чтобы сыграть свадьбу. Женька злился, продолжая ревновать к Мишке Оксану, и при встрече с ним в училище отводил глаза в сторону.

Из всех событий, происшедших в ГПТУ после Нового года, Женьке больше всего запомнился приём в комсомол. Комсорг группы Игорь Кобелев собрал их как-то после занятий и стал объяснять устав ВЛКСМ. Это было довольно скучное мероприятие, к концу его половина будущих комсомольцев спала, а остальные, хоть и не спали, но так яростно зевали, что, казалось, готовы были проглотить Кобелева вместе с его уставом.

Игорь Кобелев походил на комсомольца, а тем более на комсорга, как сельмашевские рабочие походили на российский пролетариат семнадцатого года или как драная, бесхозная кошка походит на благородную рысь, хотя обе и принадлежат к семейству кошачьих. В комсорги Кобелев угодил только потому, что в то время в группе насчитывалось всего лишь три комсомольца. Одного, как уже было упомянуто выше, вскоре посадили за кражу, другой имел условный срок, так что альтернативной Кобелеву кандидатуры, естественно, не наблюдалось.

Бросив вдалбливать устав в невосприимчивые к подобной схоластике головы «бурсаков», Кобелев небрежно швырнул в

парту книжку и принялся рассказывать анекдоты.

- Подохнете, мужики!.. Вчера в райкоме на бюро тасовался, так первый секретарь Генка Парамон рассказывал. Летят в самолёте Брежнев с Никсоном. Ну и заспорили, кого больше народ любит. Никсон говорит: «Я у себя в Вашингтоне доллар брошу – меня негры полдня на руках вокруг Белого дома носят». «Что там у тебя! – кривится Брежнев. – Я у себя в Москве гривенник брошу – мне русские мужики руки целуют». Лётчик слушал, слушал. Не выдержал, поворачивается и говорит: «Что вы тут базарите? Я вот сейчас штурвал брошу, – вы у меня оба даже задницу целовать будете!».

Стены класса потряс дружный хохот будущих комсомольцев. Смеялись от души, почти до упаду. А Кобелев всё рассказывал и рассказывал. Потом пришёл мастер производственного обучения Василий Федорович, которого в отличие от Анатолия Васильевича звали Вася-Федя, и забрал половину ребят на какие-то, как всегда срочные, хозяйственные работы.

Кобелев собирал будущих комсомольцев ещё несколько раз, но устав так никто из «бурсаков» и не выучил. Последнее собрание вообще превратилось в грандиозную пьянку по случаю приближения зимних каникул. Ещё через два дня всех их приняли в комсомол, так как не принять кого-либо было уже нельзя: списки в райком были давно поданы, заявления и рекомендации написаны, и даже билеты на каждого из вновь поступающих уже давно лежали в секторе учёта. Весь приём в ряды ВЛКСМ олицетворял собой такую бюрократическую формалистику, что непосвященным, наверное, показалось бы, что присутствуют они на плохом любительском спектакле. До того были отвратительны роли, а актёры тупы и беспомощны.

Глава девятая

Шли дни. Женька по-прежнему не разговаривал с Мишкой. После памятной ссоры тот затаил на бывшего друга лютую обиду. В училище местные, подстрекаемые Мишкой, косились на Женьку, но пока не трогали. Зато остальным доставалось. Однажды, зайдя на перемене покурить в туалет, Женька видел, как били за что-то гагауза Аркашу. Били по физиономии. Сначала ударил долговязый «нахаловец» Соломон, потом подошёл Волков, потом ещё кто-то. Аркаша сжался в углу и,

неуклюже закрываясь руками, размазывая по лицу текущую из разбитого носа кровь, жалобно просил пощады.

«Сволочи!» – со злостью думал Женька, выходя из туалета. Кулаки сжимались сами собой, но, увы, здесь, в училище, он был бессилён что-либо поделать с царящим в его стенах «беспределом».

На следующий день пришёл на занятия с синяками на лице Попов. Его избили вечером, по дороге из вечерней школы. Он, наряду с гагаузом Аркашей, был постоянным объектом диких издевательств местных. Попова с Аркашей заставляли вне очереди мыть пол в классе, посылали в магазин за вином и сигаретами, отбирали деньги, которые им присылали родители.

Ещё учился в группе худенький, низкорослый паренёк, лицом сильно смахивающий на немца. Его прозвали: Геббельс. Этот паренёк, честно говоря, был со странностями. То ли ему нравилась предложенная роль, то ли он не понимал, что над ним издеваются, но только стоило кому-нибудь из местных, проходя мимо него, крикнуть: «Зик», как Геббельс, вскинув вверх руку в фашистском приветствии, сейчас же диким голосом отвечал: «Хайль!».

Ребята, наблюдавшие эту сцену, просто покатывались от смеха, а Геббельс гордо шествовал по коридору, заложив руки за спину, как «истинный ариец». Ему рисовали на спине мелом фашистские свастики, прилепливали на плечи погоны из фольги, вынутой из пустых сигаретных пачек, толкали и пинали по всякому поводу.

Однажды Женьку вызвал к себе в кабинет старший мастер и пригрозил исключить из училища, если он не будет ходить в вечернюю школу. Ничего не оставалось, как подчиниться, и в первый же понедельник Женька направился в школу. Вместе с ним увязался и Славик, последнее время не отстававший от него ни на шаг.

Едва переступив порог класса, Женька нос к носу столкнулся с Мишкой. Как раз закончился первый урок, и ребята выходили на перемену. Рядом с Мишкой была Оксана. Она метнула на Женьку радостный взгляд, но, покосившись на мрачного Мишку, молча прошла мимо. Женька так же не стал с ней разговаривать. Тот случай, когда она выгнала его из комнаты, всё ещё давал о себе знать глубокой обидой.

Когда прозвенел звонок на урок, Мишка в классе уже не появился. Вошла одна Оксана и села в соседний ряд за заднюю парту, как раз напротив Женьки и Славика. Славик

подозрительно покосился в её сторону и, слегка тронув Женьку за руку, предостерегающе шепнул:

- Жека, Мишка за местными побежал. Мотаем домой, пока не поздно!

Женька и сам понимал, что Мишка исчез неспроста – он по-прежнему зол на него за тот случай и не упустит малейшей возможности расквитаться. Но уходить во время урока было неудобно. К тому же сидевшая напротив Оксана то и дело бросала на него осторожные взгляды. Она, без сомнения, знала, куда ушёл Мишка, и Женька не хотел предстать в её глазах трусом.

Неожиданно размышления его прервала смятая в комочек бумажка, упавшая перед ним на парту. Женька метнул взгляд на Оксану и, уловив слабый кивок её головы, развернул записку.

«Витя, уходи сейчас же, Мишка пошёл за своими дружками!» – было написано в ней правильным ученическим почерком.

Женька снова, теперь уже с благодарностью, глянул на неё.

- Уходи, чудило! – чуть слышно шепнула Оксана и укоризненно покачала головой.

- А ну-ка подвинься! – Женька поменялся со Славиком местами и, выждав момент, когда учитель отвернулся к доске, пересел к Оксане.

- Ты сумасшедшая, Оксанка! Я тебя не понимаю, – ласково шепнул он ей на ухо, с наслаждением вдыхая аромат её чисто вымытых волос.

- Дурачок, я ведь тебе добра желаю! Уходи, они тебя побьют, – шепнула она в ответ.

- Пошли вместе, Оксана. Плюй на всё!

- Ненормальный, мы же с Мишкой расписаны, – улыбнулась Оксана.

- С каких это пор ты стала нормальной?

- Как тебя встретила. Ты хороший, Женя!.. – Оксана нежно погладила его по голове.

Женька содрогнулся от прикосновения её руки, а ещё больше от того, что она впервые назвала его по имени.

- Милая ты моя! – Женька повернулся и, не стесняясь, поцеловал её в губы. – Пойдём со мной, Оксана. Я тебя люблю!

- А местных не боишься?

- Не боюсь, Оксана.

- Тогда пошли!

Не говоря ни слова, они встали и решительно направились к выходу. Вслед за ними поспешил и Славик.

- Ребята, вы куда? Ещё звонка не было, - опешил от их выходки учитель.

- Вы извините, мы ненадолго... Мы сейчас вернёмся, - невинно взглянула на него Оксана и, приснув, закрыла за собой дверь класса.

На улице стояла жуткая темнота. Едва они вышли из школы, - увидели неподалеку большую толпу местных.

- А-а, вот они, голуби! - воскликнул, направляясь навстречу им, Мишка.

По одну сторону от него шёл Соломон, по другую - Буча. Остальная шпана взяла вышедших из школы в полукольцо.

- Жека, бить будут, бежим! - тоскливо шепнул Женьке Славик и бросился назад в школу. Но там уже стоял, загораживая проход, Волков.

- Куда, Хомяк? Сдёрнуть хочешь!

Резкий и сильный удар в лицо опрокинул Славика навзничь. Подскочившие двое местных стали пинать его ногами.

- Женья!!! - со страхом схватила Женьку за рукав Оксана.

В глазах у него закипело бешенство.

- Ах, вы так, суки, волки поганые?! Ну, держитесь!

Женька точным ударом свалил первого, бывшего Славика, хулигана и обратил в бегство второго.

- Славка, давай за мной в школу! Не бойся, я этих тварей!..

Маячивший в дверях Волков не ожидал такого напора от Женьки и, пока отмахивался от него, Славик успел проскользнуть в школу. Оксана осталась далеко позади дерущихся, Женька потерял её из виду. Он никак не мог справиться с увёртливым жилистым Волковым, и получил от него уже несколько ощутимых ударов в лицо.

Женька чувствовал, как течет из разбитого носа, как наполняется кровью рот и зверел всё больше и больше. Волкова он всё-таки уложил, попав кулаком в зубы и ощутив, как что-то хрустнуло у того во рту. На него напали Соломон с Бучей, оттащили

от дверей школы, повалили на землю и принялись топтать ногами. Женька уже ничего не видел и не слышал. В ушах стоял непрерывный звон от сыпавшихся со всех сторон ударов. Издалека, как будто из другого мира, до него долетел вдруг отчаянный крик Оксаны: «Вы же убьёте его, подлецы, что вы делаете!!!».

Она бросалась на Соломона с Бучей. Бросалась в глаза, как кошка. Её били, валили в снег, а она вскакивала и снова шла на своих противников. Мишка, обхватив её за талию, пытался оттащить в сторону, но она не давалась.

Неожиданно шум драки затих. Женьку перестали бить, пинавшие его ноги куда-то исчезли. Еле шевеля вздувшимися, разбитыми губами и сплёвывая сгустки крови, Женька тяжело поднялся на ноги. Несмотря на страшную потерю сил, он был готов продолжать драку. Но местных вокруг уже не было. К нему спешили выбежавший из школы Славик и Оксана, растиравшая на ходу текущие по щекам слёзы.

- Уйди, козел паршивый! – не глядя на Славика, еле выдавил из себя Женька и, пошатываясь, шагнул навстречу Оксане.

- Жека, я милицию вызвал, учителей просил заступиться, ребят... Что я мог сделать? – виновато оправдывался Славик.

- Пошёл вон, не ясно? Потом поговорим.

Женька вовсе не злился на Славика, он знал, что этот робкий, запуганный местными паренек действительно сделал для него всё, что мог. Но сейчас было не до него. Хотелось побыть наедине с Оксаной. Она поняла это, и мягко попросила Славика:

- Ты, правда, иди! Не обижайся на него...

- Где это шакальё? – спросил после ухода Славика Женька.

- Милицейский «бобик» приехал... Они все разбежались, Женя. – Оксана взяла его под руку. – Тебе очень больно?

- Пустяки, кости целы – мясо нарастёт, – попробовал пошутить Женька, и тут же скривился от острой боли в затылке.

- Что, голова болит?

Женька приложил руку к затылку, посмотрел на ладонь, покрытую, как краской, кровью и с досадой сплюнул.

- Голову, скоты, разбили... Оксана, посмотри, шапку где-то посеял.

- Нигде нет, Женя. Может, утащил кто...

Она решительно сдёрнула с головы свою красную вязаную шапочку и заботливо одела на Женьку.

- Ты что? Зачем мне женская шапка? - попробовал протестовать Женька.

- Молчи, чудило, уши отморозишь! - Оксана бережно взяла его под руку и повела в здание школы. - Пойдем, умоешься в туалете и - ко мне. Спать сегодня у нас дома будешь.

- А как же муж?

- А что муж, он в общежитии...

Глава десятая

Через неделю, немного отойдя от побоев, Женька забрал в учебной части документы, сдал обмундирование, книги в библиотеку и поехал домой. Вместе с ним забрал документы и Славик.

Они курили, дожидаясь на автовокзале рейсовый автобус. Женька вспоминал, как два с небольшим месяца назад впервые приехал в Ростов и как его на этом самом месте встречали друзья. Теперь с ним был один Славик. Горькое чувство не покидало Женьку. Нет, ему не жаль было потерянного друга. Думал он сейчас об Оксане. Как её не уговаривал, та наотрез отказалась с ним ехать. Женька психанул, наговорил грубостей, и Оксана снова вернулась к Мишке.

Женька то и дело поглядывал на часы, сгорая от нетерпения. Со злостью жаловался товарищу:

- Что больше всего ненавижу на свете, так это ждать и догонять! Время тянется, как резиновое. Ждёшь, ждёшь, кажется, совсем остановилось... Чёрт, провалился он, что ли, автобус этот?

- Приедет, не психуй, - успокоил его Славик.

- Знаю, что приедет, а невтерпёж, мать его!.. - ругнулся Женька. Его начинало раздражать долгое ожидание.

Автобус, наконец, подошёл, и приятели заняли свои места в салоне. Ехать предстояло долго, около четырёх часов. Предусмотрительный Славик взял с собой бутерброды с колбасой и сыром. Он сейчас же извлёк их из спортивной сумки и предложил один Женьке.

- Давай, Жека, пока стоим, подкрепимся. Бери, угощайся!

- Не хочу, отстань, - отказался от угощения Женька.

Славик свой бутерброд съел, а Женькин засунул обратно в сумку. Как только автобус тронулся, он сразу же заснул, поудобнее устроившись в кресле.

Он был неловок, этот Славик, и смешон. Когда он ел, то сильно смахивал на хомяка, чем оправдывал свою фамилию. К тому же, Славик не отличался большой щедростью и только с Женькой бывал бескорыстен. Женька же всегда готов был отдать товарищу последнее, не заботясь о завтрашнем дне.

Автобус между тем миновал городские окраины и выехал на трассу, по обоим сторонам которой простирались поля. Поля были в снегу, а попадавшиеся то и дело лесопосадки напоминали сказочный лес из мультфильмов. Женька очень любил смотреть в окно, и почти никогда не спал в автобусе.

Не успели проехать и четверть пути, как увидели следы аварии. Побитый «Зил» с полуприцепом лежал на боку в кювете. На дороге стояла машина "«ГАИ» и «Скорая помощь». Пассажиры автобуса прилипли к окнам. Даже Славик проснулся. Женька указал ему на противоположную сторону шоссе. Там находился рейсовый автобус марки «Лаз» с выбитыми передними стёклами. Возле него толпилось несколько шофёров и «гаишников».

- Здорово стукнулись, - выдавил из себя испуганный Славик.

- Ещё бы, - поддакнул Женька. - «Зилок» в кювет унесло. Водителю, наверно, крышка. Да и в автобусе кто-нибудь пострадал. Не зря же «Скорая помощь».

Славик побледнел и промолчал. Женька знал, что тот панически боится крови.

За какой-нибудь час видели ещё три аварии. Дорога была скользкая. На многих участках - гололёд. Славик уже не спал, что очень веселило Женьку. Он даже подшучивал над товарищем:

- Пропали мы с тобой, Славик. Водитель пьян в дрезину. Я сам видел, как он на автовокзале стакан вина засосал. Как пить дать, разобьемся!

- Врёшь ты всё, кто ему бухать за рулём позволит? - не верил другу Славик, но всё равно глаз с дороги не спускал.

В Семикаракорске автобус зарулил на автовокзал.

- Стоянка десять минут! - объявил водитель.

Пока перекуривали около автобуса, Славик раздумывал: идти ему в «одно место» или нет. Лень, как всегда, пересилила. Пассажиры заняли свои места, и автобус двинулся дальше. Только тогда Славик понял свою оплошность. Ехать им ещё предстояло часа полтора...

- Что с тобой Славик? - спросил, глядя на мучающегося товарища, Женька.

- Живот проклятый!.. - на глазах у Славика навернулись слёзы.

- И смех, и грех, - с улыбкой крутанул головой Женька. - До станицы не дотянешь?

- Нет, наверно... Хана! - простонал Славик. Не в силах больше терпеть, он встал, подхватив сумку, и медленно поковылял к выходу.

- Остановите, пожалуйста, мне тут выходить, - попросил он слабым голосом водителя.

Кругом расстилалась первозданная белизна полей. Укрыться от любопытных взглядов было здесь решительно негде. Женька понял, что Славик ни за что не вернётся назад в автобус, даже если попросить водителя подождать. Следовательно, нужно было либо ехать дальше, либо оставаться вместе со Славиком. Женька колебался.

Автобус тяжело сполз на обочину и остановился. Славик выскочил из салона, дверь за ним захлопнулась.

- Подождите, я тоже выхожу! - решительно сорвался с места Женька и, кляня в душе Славика, вышел вслед за ним на улицу.

Громоздкий междугородний «Икарус» сердито фыркнул выхлопной трубой, выпустил целую тучу черного дыма и уехал, оставив на профиле одинокую фигуру Женьки. В кювете маячила кроличья шапка Славика.

Злой как чёрт, Женька поставил свой чемодан в снег, сел на него и закурил. Положение было невесёлое. Мороз крепчал с каждой минутой, а следующий автобус, как минимум, будет часа через два, не раньше. Если вообще будет. В такую погоду часто отменяют рейсы. Оставались попутки, но, сколько придётся платить частнику? В зимнее время они дерут три шкуры.

Из кювета на дорогу поднялся Славик. Виногато заговорил:

- Понимаешь, в Семикаракорах вроде ничего было, а только отъехали - хоть плачь, пополам согнуло. Думал не добегу.

- Ладно тебе, - махнул рукой Женька. Он вспомнил, как с ним самим как-то случилась такая же история. Когда он только что приехал в Ростов и бродил от нечего делать по городу. Хорошо ещё, что музей вовремя подвернулся... Тут же мысль переключилась на девчонку с большими, выразительными глазами - Оксану, встреченную тогда в музее. На душе вдруг стало тоскливо и пусто от мысли, что никогда уже её не увидит.

- Может быть, на попутку проголосуем? - предложил, пританцовывая от холода, Славик.

- Замёрз? - укоризненно взглянул на него Женька.

- Не май месяц, - стуча зубами, ответил Хомяков.

- А в станице сейчас скучотища! - в раздумье проговорил Женька и зевнул, закрывая рот кулаком.

- И фильмы все, наверно, старые крутят, какие мы ещё в прошлом году в Ростове зырили, - поддакнул ему Славик.

Женька встал с чемодана и задумчиво прошёлся по обочине. Сейчас он воочию представил всю скучотищу деревенской жизни, которая ему предстояла. Главное, он никогда теперь не увидит Оксану. Он с ней даже не простился перед отъездом. А ещё эта дурацкая ссора!.. Сейчас он окончательно понял, что не должен уезжать из Ростова без Оксаны. Она права: за всё нужно бороться в жизни, за любовь - особенно!

Далеко впереди показался идущий на Семикаракорск рейсовый автобус.

- А может, ну его, не поедем домой? - неуверенно спросил у товарища Женька.

- Да, примета плохая. Один раз не повезло - теперь жди неприятностей, - согласился Славик.

- Может, давай, Славик, на этот автобус проголосуем и поедем обратно в Ростов? Сегодня - вечер в училище. Танцы, девчонки, лимонад... Возвращаемся, Славка? - Женька выжидающе посмотрел на друга.

- Я - как ты, Жека. В Ростов, так в Ростов! - безропотно кивнул Славик.

- Так бежим скорее! - потянул его на другую сторону шоссе Женька.

Они проголосовали, и через несколько минут уже сидели в проходе переполненного «Икаруса» на дощечках, которые им дал второй водитель.

- Ничего, парни, в тесноте да не в обиде! - с улыбкой, ободряюще проговорил он. - В Семикаракорах места освободятся, пересядете.

Женьке было всё равно, как ехать, лишь бы ехать. Теперь он твёрдо знал, зачем едет в Ростов. Впереди была встреча с любимой.

- Приедем в Ростов, Славка, - поведу тебя в секцию бокса. Чтоб местным мог сдачи давать. Слышь, Славик? - Женька обернулся к сидевшему позади другу - и улыбнулся. Славик его не слушал. Он безмятежно спал, уткнувшись лицом в положенные на колени руки.

До Ростова было ещё два с половиной часа езды.

1982 - 1991 гг.

Сконвертировано и опубликовано на <https://SamoLit.com/>